

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ПОМНИТЬ, ОТКУДА РОДОМ

ПОМНИТЬ, ОТКУДА РОДОМ

МАСТЕРА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

(Очерки, интервью)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

МОСКВА — 1988

СОДЕРЖАНИЕ

Э. ЛУНЕВ. Правды приблизительной не бывает (Прозаик А. Ананьев)	3
Е. КАБАЛКИНА. Вглядеться в человека (Кинорежиссер Е. Ташков)	7
М. ЗАХАРЧУК. Моя путеводная звезда (Композитор А. Пахмутова)	12
Б. ЛЯПКАЛО. Подвиг не меркнет (Скульптор В. Бородай)	16
А. ОРЛОВ. Герои приходят из жизни (Драматург А. Штейн)	21
Е. КАБАЛКИНА. И стало кино судьбой (Киноактер и режиссер С. Никоненко)	25
В. НЕСТЕРЕНКО. Это свидетели нашей боевой славы (Искусствовед Б. Пиотровский)	30
К. ХРОМОВА. Писать меня заставила война (Прозаик Ю. Нагибин)	34
Н. ВАСИЛЬЕВ. Помнить, откуда родом (Актер и режиссер И. Горбачев)	39
Е. НАДЕИНСКИЙ. Приглашение к музыке (Скрипач и композитор И. Фролов)	44
В. ШАХИДЖАНЯН. Наша общая забота (Актер Ю. Никулин)	49
О. НИКОНОВ. Да, я солдат (Поэт М. Дудин)	53
В. КОСТКО. Доброе таинство песни (Певица Н. Чепрага)	58
В. ОГРЫЗКО. Говорю о своем поколении (Прозаик В. Кондратьев)	62
В. НЕСТЕРЕНКО. Жизнь интересна, если... (Актриса Е. Соловей)	67
В. ОГРЫЗКО. Сто процентов надежности (Поэт Г. Пожежнян)	71
В. ВЛАДИМИРОВ. Начинать с колыбельной (Певец Е. Нестеренко)	76

Редактор **Г. ДРАЧЕВА**

Художник **Е. КОЧЕТКОВ**

Художественный редактор **Д. ГЕТМАНЕНКО**

Технический редактор **С. Трифонова**

Сдано в набор 29.09.88 г. Подписано к печати 21.10.88 г. Г-20831
Формат 84×108^{1/32} — 4,2 усл. п. л. 4,5 учетно-изд. л. Высокая печать.
Цена 10 коп. Зак. 1985

Ордена «Знак Почета» типография газеты «Красная звезда»
Москва, д-317, Хорошевское шоссе, 38.

© Библиотечка «Красной звезды», 1988.

Анатолий АНАНЬЕВ:

ПРАВДЫ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЙ НЕ БЫВАЕТ

НАШ разговор с писателем Анатолием Ананьевым начался сразу после его творческого вечера в телестудии Останкино. Софиты и юпитеры уже были погашены. Участники встречи с писателем из-за позднего времени спешили домой, и только самые преданные почитатели его таланта стайкой окружили стол, за которым он давал автографы на своих книгах, а то и просто на номерах журнала «Октябрь», главным редактором которого является, — на номерах с только что опубликованным романом Василия Гроссмана «Жизнь и судьба».

Анатолий Ананьев известен не только как автор многих ярких произведений, но и как редактор, общественный деятель, человек с обостренным чувством социальности. Его роман «Годы без войны» — о современности, в которой так или иначе слышны отголоски войны, — стал, можно сказать, одним из первых литературных сигналов о неблагоприятных тенденциях в нашем обществе, приведших к застойным явлениям. И вот на рабочем столе писателя новый роман «Скрижали и колокола». Эта книга, по словам самого автора, о том, что у каждого народа есть свои старинные заповеди жизни — как бы скрижали, хранители народного опыта. Колокола звонят сегодня, зовут нас прочесть забытые скрижали. Такой символический смысл вкладывает писатель в название своей новой книги.

Разговор продолжился уже в редакционном кабинете.

— Анатолий Андреевич, можно только позавидовать вашему быстрому и, как теперь кажется, легкому литературному

становлению. Написали роман «Танки идут ромбом» и, что называется, враз стали известным, популярным прозаиком.

— Это только так кажется стороннему взгляду. На самом деле все было не так просто. У меня от такого «становления» до сих пор, как говорят, мурашки по спине бегают, хотя до писательских испытаний уже жизнь меня потерла — прошел войну. Но к тому, что со мной произошло, признаюсь, готов не был. Жил я тогда в Алма-Ате. Роман «Танки идут ромбом» в местном издательстве был принят, даже набран, а потом его вдруг пустили под нож: нашли в нем всевозможные недостатки. Я получил за него партийный выговор. Но не сдался. На следующий год отправил рукопись в Военное издательство. Там оказались люди доброжелательнее. Прочитали и сказали: роман пойдет. Правда, еще долго на меня шли, как говорится, «телеги» из Алма-Аты в Москву, в то время я уже жил в столице. Роман этот был позже переведен на тринадцать языков, пользовался, как мне казалось, популярностью. Вот как было в действительности, а вы говорите — можно позавидовать.

— Но сейчас ведь времена изменились.

— Я бы уточнил. Не изменились, а меняются. Меняются трудно, порой болезненно. Есть люди, которые хотели бы остановить нашу весну перестройки. Ну если не остановить, то затормозить, установить климат холодного лета. Об этом вполне недвусмысленно со страниц «Советской России» заявила Нина Андреева в статье «Не могу поступиться принципами». Поэтому такого положения, при котором писатель пописывает, а читатель почитывает, больше не будет. Писательское дело — это вся жизнь, а жизнь всегда проходит в борьбе. Нового со старым, привычного с непривычным, истины с неправдой и так далее. Хотя не так давно литература наша больше старалась, что называется, рисовать жизнь, а не отражать ее. Для этого Союз писателей отряжал писательские десанты в колхозы и на заводы изучать жизнь, а «Литгазета» и «Литературная Россия» публиковали бодрые репортажи: «Писатель на ферме», «Поэт у прокатного стана». А потом читаешь романы-отчеты, навеянные творческими командировками, и диву даешься. Все-то в них так гладко, столы ломаются от яств, хотя знаю, что тот писатель сам в очередях за сосисками выстаивает подолгу. И поскольку подлинного изображения того, как трудно все достается, в литературе не было, то и происходила деформация читательских представлений и в конечном итоге — нравственности.

— Вы вошли в литературу военным романом. Но в вашем творчестве, в размышлениях одно из главных мест занимает

и тема земли, связанные с ней проблемы нравственного характера. Это ведь тоже имеет свое биографическое объяснение?

— Безусловно. Так складывалась моя жизнь, что к земле я имел долгие годы самое непосредственное отношение — работал агрономом в Казахстане. Если иметь в виду литературу, то тема земли, землепользования всегда была самой острой и важной. Где-то я недавно вычитал, что именно эта проблема дала советской литературе едва ли не самый трагический образ Григория Мелехова в «Тихом Доне». Скольких трагедий мог избежать наш народ, если бы не перегибы в коллективизации. И не являются ли «чудики» прекрасного писателя Василия Шукшина прямыми потомками тех, кому землю-то дали, но делали все возможное, чтобы отбить охоту свободно и со знанием дела на ней трудиться...

Как мы сегодня убеждаемся, многие недостатки нашей жизни, искажения и извращения уходят корнями не в такую уж далекую историю, когда «комчанство», как метко охарактеризовал Владимир Ильич зарождавшийся бюрократизм, старалось громкими лозунгами «заговорить», «заболтать» социализм. И в известной мере ему это удалось сделать, особенно в сельском хозяйстве. Я вспоминаю тех ретивых инструкторов сельхозотделов, которые геростратовыми отрядами наезжали в колхоз, заставляя чуть ли не по снегу сеять и чуть ли не по всходам убирать. Раньше этот вопрос обходился, и вот наконец на IV Всесоюзном съезде колхозников прозвучали удивительные примеры того, как умеет работать крестьянин, когда получает в пользование землю. Вместе с ней приходит хозяйская основательность. Вот это-то чувство хозяина очень важно сберечь во всяком деле, в любой области человеческой деятельности.

— А можно ли говорить об этом чувстве применительно к армии?

— Вы затронули, на мой взгляд, важную проблему. Мне довелось в качестве корреспондента принимать участие в учениях «Двина». Наблюдал, как танковая рота из района сосредоточения переходила в атаку. Мощь военной техники механики-водители показали тогда как следует, но не одна березна и сосенка оказались под траками танков. Я понимаю, что это вызвано необходимостью учиться защищать Родину, но как же при этом не учить солдата беречь природу? Ведь бездуховность чаще всего и идет от того, что человек не научен радоваться первому зеленому клейкому листочку, что его жизненным кредо не стало самое простое и изначальное: «Посади дерево!»

— Но ведь на службе часто бывает не до сантиментов.

— Вот это-то и плохо. Мы привыкли говорить, что армия — суровая школа жизни. И как только приходит молодой че-

ловек на службу, сразу стараемся ему эту суровость показать, изо дня в день внушая: должен стойко переносить тяготы и лишения воинской службы. Хотя, если задуматься, не полезнее ли создавать хорошие условия службы. Думаю, было бы полезным также усилить эстетическое воспитание людей военных.

— Но для этого и существует литература, способная восполнять пробелы в гуманитарном и эстетическом воспитании.

— Разумеется, но только не та, которая основана лишь на командировочных впечатлениях. Тем более если она не говорит всей правды. Возьмем отдельные произведения о событиях в Афганистане, об участии в них наших воинов-интернационалистов. Почему до сих пор литература не подарила нам ни одного яркого героя? Считаю, что с самого начала мы не дали той полной информации, ради чего мы там, какие там происходили события. Ведь мы долго не говорили о том, что нашим ребятам приходится воевать. Помню, несколько лет назад мне как-то попала на глаза окружная газета Туркестанского военного округа, и я был удивлен, узнав из нее, что за инициативные действия в ходе полевых занятий солдат такой-то награжден орденом Красной Звезды, а сержант такой-то — орденом Красного Знамени. Я прошел войну и знаю, чего стоят такие высокие награды. Зачем, спрашивается, нужно было напускать туману? Это ведь сразу сковывало того, кто хотел и мог хорошо написать о тех событиях, о героизме и мужестве наших воинов. И ребята, совершившие подвиги, так и остались лишь героями очерков. Разве что один Александр Проханов сумел подняться до обобщений. Его «Дерево в центре Кабула», «Рисунки баталиста» сегодня стоят как бы в центре всех попыток отразить эту болезненную и героическую тему нашей литературы.

— Анатолий Андреевич, кроме писательских забот, у вас, должно быть, на первом месте заботы редакторские?

— Свое писательское дело я не отделяю от редакторского. Одинаковую творческую радость испытываю, когда что-то удастся написать самому и когда обнаруживаю в портфеле редакции интересную рукопись. Нашим правилом стало искать новых авторов. Им мы уже по традиции ежегодно отдаем двенадцатый номер журнала. Пользуясь случаем, обращаюсь к армейским авторам — прозаикам и поэтам, ко всем, кто хорошо знает заботы и проблемы армии и может о них рассказать глубоко, ярко: пишите, журнал для вас открыт.

— И последний вопрос. Как скоро мы прочтем «Скрижали и колокола»?

— Если ничто не помешает, то в следующем году.

Эдуард ЛУНЕВ

Евгений ТАШКОВ:

ВГЛЯДЕТЬСЯ В ЧЕЛОВЕКА

ЕСЛИ задуматься, что объединяет фильмы лауреата Государственной премии РСФСР, заслуженного деятеля искусств РСФСР режиссера Евгения Ташкова, то сразу на этот вопрос и не ответишь. Ну чего общего между «Майором Вихрем», «Адъютантом его превосходительства» — динамичными, остро сюжетными сериалами, собиравшими у телеэкранов массу зрителей, и «тихой» картиной по В. Распутину «Уроки французского», раскрывающей чувство сострадания молоденькой учительницы к способному мальчонке, ее ученику, в голодное послевоенное время. И все-таки фильмы режиссера объединяет одно: интерес к людям, пристальное исследование их характеров.

Первой самостоятельной работой Ташкова была лента «Жажда», поставленная в 1960 году по сценарию поэта военного поколения Г. Поженяна. В ней рассказано о подвиге моряков, ставших пехотинцами-разведчиками, чтобы не дать осажденной фашистами Одессе погибнуть без воды. Эта картина о человеческой стойкости, вере в победу и сейчас смотрелась бы с интересом: так ярко очерчены в ней персонажи и достоверен почерк режиссера.

Сам Евгений Ташков не воевал, был в то время подростком. До села Быково в Сталинградской области, где он родился и жил с мамой и старшей сестрой Марией, вражеские войска не дошли, застряли где-то в ста километрах, зато педан-

тично бомбили с воздуха почти каждую ночь. А так как все, кто мог, воевали (ушла на фронт и сестренка), то на мальчишечьи плечи пала вся крестьянская работа. Тяжелая, мужская, с ранней весны и до первых снегов.

Но как ни трудны были эти годы, сейчас Евгений Иванович так вспоминает:

— Парадокс-то вот в чем. Страшное было время, а нам, деревенским ребятам, отчасти и повезло. Из больших городов в наше село эвакуировались самые разные люди. И преподавателями в школе стали замечательные педагоги. Они вели не уроки, скорее читали лекции на высочайшем уровне. Вот, например, историк Николай Степанович Курепанов. Рассказывал он так: «Иван Грозный встал рано — бессонница. Ужасно раздражен был. Надел халат, выглянул в окно...» Мы слушали и будто всё видели. Этот «эффект присутствия» спустя десятилетия так со мной и остался. Другой педагог, Николай Иванович Воронцов, с блеском вел математику, физику и великолепно играл на единственном в селе пианино. А еще актриса из ленинградского Большого драматического, звали ее Инна Александровна, организовала у нас драмкружок. Тут-то я и «попался», раз и навсегда, на всю жизнь.

Лишь год проучившись в Ростовском железнодорожном институте, Ташков пришел на актерский факультет ВГИКа и окончил его. Но уже тогда тянулся к режиссуре. Работая вторым режиссером у М. Калатозова на «Первом эшелоне», он впервые узнал, как надо и как не надо снимать.

Спрашиваю Евгения Ивановича:

— Когда вы делали картины о войне, что виделось вам самым главным, о чем сказать просто необходимо?

— Всякий раз в этой теме, особенно при работе над «Жаждой» и «Майором Вихрем», мне хотелось выразить мысль, что на войне, как в любой другой экстремальной ситуации, главное — это человеком оставаться. Прикасаясь к такому материалу, можно ведь сосредоточиться на том, как война ожесточает людей. А можно иначе: как, несмотря на тяжелейшую обстановку, удастся не только проявить мужество, отвагу, но и сохранить самые добрые стороны души. И мне близка такая позиция.

Это одно. Кроме того, хотелось каждый раз глубже взглянуть в людские характеры, а через них по возможности исследовать время. Вот, например, телесериал «Адъютант его превосходительства» по сценарию Игоря Болгарина и Георгия Северского. Можно было основываться лишь на остроте сюжета — был бы чистой воды детектив. Но наиболее плодотворным представлялось раскрытие психологии персонажей в ее слож-

ности. Наверное, поэтому зрители до сих пор помнят не только главного героя, но и неоднозначного, с его по-своему драматическими переживаниями генерала Ковалевского, сыгранного Владиславом Стржельчиком.

— Ну прежде всего, сам Кольцов в исполнении Юрия Соломина казался непривычным, не столь уж жестким, твердым, что ли, а в ту пору иным и не мыслился нам разведчик в стане врага. Вспомним, ведь Штирлиц — Тихонов с его чувствами, волнениями души появился позже вашего «Адъютанта...»

— Вы правы. Именно этого, непривычного, зато жизненно правдивого и хотелось добиться.

Хотелось. А как непросто было отстаивать свою точку зрения. Даже предложение на главную роль Юрия Соломина вызвало отпор руководящих «киноинстанций». Все возражали: непривычно мягкий, какой-то, мол, «салонный герой» — нет, не таким должен быть наш разведчик! А Ташков настаивал: в данном случае, в этой обстановке и среде, — именно таким. После шестой (!) кинопробы упорство режиссера и стоическая выдержка актера победили.

Среди поставленного Ташковым, пожалуй, особняком стоит картина 1963 года «Приходите завтра» (по его же сценарию). Интонация ленты — мягкий юмор, кое-где переходящий в гротесковую насмешку. Простодушная девушка из глубинки приезжает в столицу поступать в институт — хочет стать певицей. Она бестолково растеряна, не понимает каких-то элементарных для горожан вещей, зато невероятно талантлива. Сыграла эту роль рано ушедшая из жизни Екатерина Савинова, актриса разностороннего драматического дарования, обладавшая красивым сильным голосом. Она была сокурсницей Евгения Ташкова и его женой.

— Фильм этот — лирическая комедия, а в основе лежит действительная судьба, — говорит режиссер. — Очень тут много от самой Кати Савиновой. Признаться, и от меня. Странно? Да нет. И я чем-то был на первых порах похож на такую вот Фросю с ее провинциальным прямодушием и непоколебимым желанием выстоять, все преодолеть, чтобы стать достойным Искусства. С большой буквы. Может показаться, что я подсмеиваюсь над идеалами юности. Нет. Считаю, счастлив тот, кто сохранил свои убеждения с молодости и на всю жизнь.

— Скажите, Евгений Иванович, как складывалась актерская судьба вашего с Екатериной Федоровной сына? Ему, верно, на первых порах было проще?

— Может, в чем-то и проще, а в чем-то труднее. Груз ответственности перед отцом, перед памятью матери давит. Когда Андрей учился в десятом классе, в ответ на вопрос, кем хочет

стать, он сначала молчал, потом признался: актером. Я ему: «Попробуй, порепетируй, покажи. И если я скажу «нет» — забудем это, ладно?» «Нет» сказать не пришлось... Он успешно снялся в фильмах «Сыщик» и «Сашка» в главных ролях. Потом и я предложил ему роль Аркадия в телефильме «Подросток» по Достоевскому.

— Ваш взрослый сын уже прошел первые шаги возмужания. Хотя бы поэтому вы, наверное, задумывались о судьбах молодых. Вот и в дилогии «Преступление» во главе угла — становление характера юноши, не без влияния отца-циника полного презрения ко всем и ко всему, очерстевшего, болезненно-мнительного и скатившегося на путь преступления. Ваш фильм подводит к мысли: взорвать бы вовремя этот груз представлений — и жизнь могла сложиться иначе. Таким ребятам, наверное, особенно важна военная закалка, служба в армии?

— Несомненно. Уверен, что армия — это обязательная суровая школа будущего мужчины и человека. Он отрывается от родителей, семьи и приобретает опыт, который будет питать большую часть его жизни. Важно, чтобы эта суровая школа была и школой нравственной. Как кажется, одно из определений нравственности — это соотношение между двумя понятиями: «права» и «обязанности». Если крен к неограниченному увеличению прав — жизнь начинает катиться по сомнительной колее. Если же несправедливо превалируют обязанности — ущемляется личность. Тут-то и необходимо равновесие, зачатки которого способна заложить армейская действительность.

— Что бы вы могли пожелать молодым, которые сегодня служат в армии?

— Всегда, в самых суровых условиях, не забывать об ответственности перед людьми и Родиной.

— Такое пожелание кажется логическим продолжением того, чем проникнуто ваше творчество.

— Надеюсь, что зрители это ощущают.

— Ваша последняя большая работа была обращена к Достоевскому...

— Да, это писатель поразительный, умевший обнажить зло, вытащить его на свет. В «Подростке», романе многослойном, четко проступает одна из вечных тем воспитания на определенном этапе человеческой жизни. А в наши дни разве не раздумываем мы о том, каким раскрывается мир перед юной, еще не окрепшей душой? Как выбраться подростку на верный путь, когда соблазнов более чем достаточно? Как ему сохранить человечность, духовность, когда разрушается семья? Все эти вопросы и сегодня нельзя обходить молчанием, если есть такая вот арифметика: на 100 молодых семей в одном из районов

москвы 72 развода. А ведь в разрушенных семьях остаются дети...

«Болевые точки» наших дней. В то время, когда происходил наш разговор, Евгений Ташков готовился к съемкам фильма по пьесе О. Перекалина «Требую суда!». Она о том, как задыхается душа в атмосфере безнравственности, злоупотреблений, корысти. Путь пьесы на сцену не был простым, но все-таки Ташков ее поставил в Театре-студии киноактера. И вот ей предстояло второе рождение на экране.

— Есть ли планы на более отдаленный срок, спрашиваете вы. Очень хотелось бы снять фильм по историческому роману Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный». Мы как-то стали забывать о герое романтического, возвышенно-благородном (заметьте, само это словосочетание звучит непривычно, выпренно). А почему? Желание встретиться с таким героем из прошлого родной страны живет в глубине зрительского сердца всегда.

Евгения КАБАЛКИНА

Александра
ПАХМУТОВА:

МОЯ
ПУТЕВОДНАЯ
ЗВЕЗДА

МНЕ не раз доводилось видеть Александру Николаевну на встречах в воинских частях. И всегда поражало, как легко входила она в контакт с солдатами и офицерами и как сами они преображались при этом, как вполне естественное смущение перед знаменитостью исчезало после первых же слов и для каждого она тут же становилась близким человеком, добрым товарищем. Раздумывая, почему именно с ней и именно так это бывает, и прихожу к выводу, что у Пахмутовой, кроме композиторского, есть еще и столь же бесспорный талант человеческого общения. Наверное, будь иначе — и не могло бы у нее появиться таких прекрасных песен. Я твердо убежден: лишь большой душе доступна большая музыка.

А у Пахмутовой она действительно большая. Сейчас невозможно представить нашей музыкальной культуры без ее «Нежности», «Мелодии», «Созвездия Гагарина», «Надежды», «Геологов», «Тревожной молодости», «Таежных звезд»... Из одного перечисления удач выйдет, наверное, целая газетная полоса. И какую песню ни возьми — герои ее не придуманы в кабинетной тиши. Они живут среди нас с вами, дерзают, мечтают, радуются и грустят. Я уверен, что многих из них Александра Николаевна может просто назвать по имени. Но вот песни об этих конкретных, подсмотренных в реальной жизни людях подхватывал весь народ. Мое поколение сорокалетних выросло на песнях Пахмутовой, теперь их поют наши дети.

Понятие молодости существует как бы в двух ипостасях: как возраста и как состояния души. Так каким же огромным должен быть запас душевной молодости у этой хрупкой очаровательной женщины, чтобы в песнях достичь таких высот?

И тут самое, по-моему, время рассказать о том, как набиралась эта высота.

Рабочий Бекетовской электростанции Николай Андрианович Пахмутов, как говорится, души в музыку не чаял. На скромный заработок купил пианино и сам научился играть на нем. Так, с колыбели, вошла музыка в жизнь маленькой Али.

В пять лет она сочинила первую пьеску. Чуть подросла — ее отдали в детскую музыкальную школу. Впрочем, что значит — отдали? Каждый день вместе с мамой Марией Андреевной ездила она за восемнадцать километров в Сталинград — ездила, как на праздник.

Аля была в четвертом классе, когда завоевала право выступить в финале областной художественной олимпиады. Юная пианистка исполняла вальс собственного сочинения. Бурные аплодисменты оборвало появление на сцене ведущего. Побелевшими, трясущимися губами бросил он в зал одно только слово: война!

Пахмутовых эвакуировали под Караганду. С трудом раздобыл Николай Андрианович для дочки старенький аккордеон, с которым она расставалась, лишь укладываясь спать. А в сорок третьем, прочитав в газете, что из эвакуации возвратилась столичная консерватория, Аля заторопилась в Москву. Надо сказать, педагоги были изрядно удивлены, увидев перед собой крохотную девчущку в большущих кирзовых сапогах и потертой телогрейке. Но, послушав ее, убедились: настоящий самородок. И девочку приняли в Центральную музыкальную школу.

Вот в связи с этим мне бы хотелось сделать маленькое отступление. Одаренных детей, вундеркиндов, так сказать, в стране и на нынешний день немало. Но почему так редко мы ныне встречаемся с такими исключительно одаренными личностями? Ответить исчерпывающе не могу, но, думаю, прежде всего дело в том, что в искусстве прижилась не свойственная нам ранее манера «изготовления» звезд. «Лауреатомания», так сказать. А «звезды»-то часто гаснут, едва успев вспыхнуть, потому что далеко не в каждой из них воспитано главное: гражданское начало, понимание того, что человек, выходящий на концертные подмостки, — он уже не сам по себе и не сам для себя, он трибун, он разговаривает с целым народом и не самовыражается, как нынче любят говорить, а выражает мнение народное, его боль, мечты, заботы. Педагоги Пахмутовой — Шебалин, Нежданов, Гольденвейзер, Игумнов, Нейгауз, Пейко, Фере — целое созвездие! — умели воспитывать не просто музыканта — человека. Гражданина!

Композиторский взлет Александры Пахмутовой шел, как бы, наверное, сказали летчики, по крутой траектории. Сорок чет-

вертый — сонатина для фортепиано, украсившая в авторском исполнении фильм «Юные музыканты», обработки народных песен, пьесы для струнного квартета, сюита для симфонического оркестра. Ее произведения входят в программы Евгения Светланова. А 7 ноября 1953 года по радио зачит первая песня — «Походная кавалерийская» на стихи Юлии Друниной.

В одном из интервью Александра Николаевна сказала: «Песня требует пожизненной верности и пожизненной смелости». Но ведь она постоянно работает в разных жанрах, хотя все мы прежде всего считаем ее песенником.

— Объясняется это весьма просто, — говорит Пахмутова, — происходит обогащение одного жанра другим. И когда потом пишешь песню — более требовательно относишься к мелодическому материалу. Кроме того, это дает мне свободу в общении с оркестром. Многие композиторы сами не делают инструменталок для своих песен. Жаль: материал в таких случаях бывает куда более интересен, чем его реализация. Для меня же работа над партитурой — один из самых радостных моментов, потому что оркестр может открыть самое интересное в песне: ее глубинный смысл, подтекст.

Я вообще влюблена в оркестр, и мне всегда хотелось писать для оркестра. Но... Мой режим композитора-песенника суров, он совершенно иной, чем, скажем, у симфониста. Симфонию нельзя сочинять урывками. А мне зачастую приходится работать именно так.

— **Что же вам мешает?**

— Не то «что мешает», а так: «что не дает». Темп жизни не дает. Когда-то в молодости я попала в такой водоворот событий, что до сих пор не могу из него вырваться. Сопровождения, заседания, секретариаты, жюри, советы... Но на судьбу я не сетую. Песня — это главное дело моей жизни, моя путеводная звезда. Каждая из них для меня — признание в любви. Если вас что-то взволновало, потрясло — вам же хочется поделиться чувствами! Так у меня и возникает песня. Я много езжу по нашей стране, полмира исколесила. И тема каждой песни подается самой жизнью.

— Александра Николаевна, я понимаю, это не бог весть какое открытие, но добрая доля успеха по праву принадлежит вашим соавторам-поэтам, прежде всего Николаю Николаевичу Добронравову, с которым написано большинство ваших песен. Ну и, конечно, такие имена, как Ошанин, Матусовский, Долматовский, Гребенников, Рождественский...

— Ну это бесспорно. Без хороших стихов нет песни. Порой одна-единственная строчка становится той искрой, из которой вспыхивает песенное пламя.

— И «третий соавтор» — исполнитель...

— Когда я работаю над песней, как правило, уже подразумеваю и конкретного ее исполнителя. Но бывает так, что исполнитель сам находит произведение. Как-то Анна Герман попросила нас с Николаем Николаевичем прислать несколько песен: «Надежда» оказалась среди них случайно. А певица выбрала именно ее и создала лучший исполнительский образец. А мы-то представляли эту песню «мужской»!

— А как родился цикл «Созвездие Гагарина»?

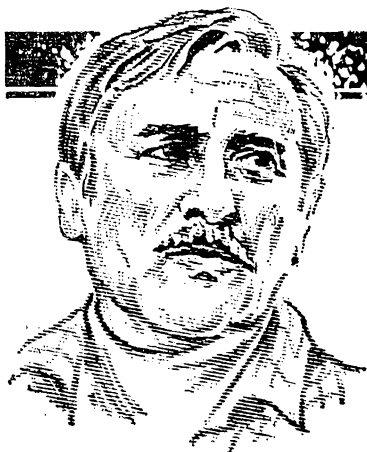
— При жизни Гагарина мы часто встречались с ним — по-семейному, как-то даже вместе отдыхали, в общем — дружили с первым космонавтом просто так, по-человечески. И в обычных ситуациях не очень-то и сознавалось, что перед нами легендарная личность. Лишь когда он погиб, всем стало ясно, кого мы потеряли. Хотелось написать о нем песню, но она «не шла». И года через три поняли, что в одной песне о Юрии Гагарине ничего не скажешь: нельзя было о нем писать однопланово. Мы с Добронравовым много трудились, не все получалось, но в результате появился этот цикл. И хотя своим творчеством я никогда не обольщалась, очень довольна, что все песни цикла понравились космонавтам.

— Какова, по-вашему, роль песни в воспитании молодого поколения?

— Я не искусствовед и не социолог, решающее слово за ними. Только знаю твердо, что песня может стать знаменем, а может — ножом и наркотиком, и еще, что в капиталистических странах почти не появлялось песен, которые бы завоевали весь мир, таких, как наша «Катюша» или «Подмосковные вечера». Тут есть над чем задуматься...

...Сейчас такое время, когда то, что создано некоторыми художниками в прошлом, вызывает у нас чувство неудовлетворенности, а то и активного неприятия потому, что было оно откровенно конъюнктурным, неискренним. Но никто в этом смысле не может упрекнуть Пахмутову. Рискну сказать больше: мне бы не хотелось, чтобы она в своем творчестве, в своей общественной позиции как-то менялась, к чему-то подстраивалась. Мне, как и миллионам советских людей, дорог ее бесценный дар говорить своей музыкой со всеми нами вместе и с каждым в отдельности. Наверное, этот дар ее идет от глубокого понимания самой сущности социалистического строя, от острого неприятия того, что есть лучшего в нашем народе. Все, что она написала, выдержало труднейший экзамен на правду. Этой хрупкой женщине удалось то, что удается далеко не каждому художнику, — выразить суть своей эпохи и быть понятой ею.

Михаил ЗАХАРЧУК

Василий БОРОДАЙ:

ПОДВИГ НЕ МЕРКНЕТ

ТЕМ, кто побывал в парке на берегу Днепра столицы Украины, конечно, довелось любоваться изящной ладьей с фигурами братьев Кия, Щека, Хорива и их сестры Лыбеди. Автор этой декоративной скульптурной композиции — памятного знака в честь основания Киева — лауреат Ленинской премии, народный художник СССР Василий Захарович Бородай.

Им создано множество талантливых произведений монументального искусства, памятников, установленных в нашей стране и за ее пределами. Особое место в его творчестве занимает военно-патриотическая тема. Сюда относятся памятники — герою гражданской войны Николаю Щорсу, советским чекистам, партизанам-ковпаковцам, мемориальный комплекс в Киеве «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» и многое другое. Летом в городе Куляба будет открыт мемориал таджикам, погибшим в Великую Отечественную войну, — это еще одна монументальная работа скульптора Бородая.

Его приверженность к военной героике не случайна. В годы войны он командовал взводом противотанковых ружей, отдельной разведротой стрелковой дивизии, отмечен боевыми наградами.

— Через всю жизнь, — рассказывает Василий Захарович, — я пронес уважение к людям ратного труда, готовым к любым испытаниям во имя Родины, способным отдать за нее, если потребуется, и жизнь. Говорю так неголословно. Мне самому приходилось попадать на фронте в сложные, казалось, даже безвыходные ситуации. И всякий раз, выручали бойцы — их мужество, верность присяге и фронтовому товариществу.

Творческое становление скульптора было не из легких. В тридцатые годы после ФЗУ Бородай работал слесарем и учился на рабфаке. Но увлечение приводит молодого рабочего парня в Днепропетровское художественное училище, учеба в котором по причине недостаточной подготовки потребовала огромных усилий. Из-за войны он смог продолжить свое образование лишь в тридцатилетнем возрасте, став в 1947 году студентом Киевского государственного художественного института.

— Вы окончили военное училище, воевали, служили какое-то время после войны. Что дала вам, Василий Захарович, служба в армии?

— Привычку к дисциплине, безоговорочной, если хотите, железной. Солдат — одним этим словом все сказано. В любом деле, даже в искусстве, если ты не солдат, ничего не достигнешь. А когда привычка к самодисциплине, к повседневному упорному, порой изнуряющему труду выработалась, тогда талант наверняка расцветет, пробьет себе дорогу к признанию.

— В вашем личном деле я обратил внимание на послевоенную аттестацию. Вы тогда были старшим лейтенантом, командовали отдельной разведротой. Там есть слова о боеготовности возглавляемого вами подразделения, о ваших блестящих командирских качествах, названы боевые награды. Перед вами открывалась хорошая перспектива армейской службы, но вы вернулись к своему довоенному увлечению...

— Тогда был приказ — всех специалистов, нужных для народного хозяйства, отпустить. Наш командир дивизии полковник Николай Алексеевич Рубан знал мою заветную мечту. В 1945 году, побывав в отпуске, я привез документ, что меня могут принять на работу по специальности, полученной в канун войны. И комдив отпустил меня. К слову сказать, он всего лет на пять старше, но до сих пор остается для меня высоким авторитетом, образцом преданности своему делу, ответственного отношения к нему. При встрече с Николаем Алексеевичем я веду себя с ним, как ротный с комдивом в прежние времена.

— Мне как корреспонденту приходилось общаться с полковником в отставке Рубаном; использовать в публикациях его воспоминания о фронтовиках, в частности о погибшем за три недели до конца войны генерал-майоре Михаиле Константиновиче Путейко, с которым Рубан бок о бок воевал. Николай Алексеевич беспокоился, чтобы в рассказы о делах фронтовиков не проникала фальшь.

— Мы тоже говорили с ним об этом не раз применительно к моим работам на военную тему! К сожалению, и в нашем деле порой брала верх декларативная восторженность в отображении событий Великой Отечественной, а ведь драматическая

горечь иных из них должна настраивать через посредничество искусства на иной лад.

— А если конкретнее подкрепить эту мысль?

— Ну, скажем, в свое время мне предложили работать над памятником бойцам Юго-Западного фронта, которые в 1941 году на подступах к Киеву сражались с врагом до последнего патрона и погибли в смертельной схватке. Среди них был и командующий фронтом Герой Советского Союза генерал-полковник Кирпонос. Мой проект этого памятника забраковали. «Здесь ковалась победа, а у вас какие-то мотивы трагизма», — сказали мне. Но мы-то хорошо знаем и теперь без обиняков, откровенно говорим, к чему приводит лакировка, тем более событий исторических.

Приходилось наткнуться на коррективы и другого плана. Например, при разработке скульптурных композиций для мемориального комплекса «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Стремясь полнее рассказать об участии советских людей в массовом партизанском движении, художники намеревались увековечить образы самобытных полководцев дважды Героев Советского Союза Ковпака и Федорова, но замыслы эти воплотить не удалось. «Никаких личностей» — была установка. А ведь люди эти поистине легендарные, давно признаны и оценены народом.

— Василий Захарович, как возникла идея мемориального комплекса на склонах Днепра?

— С предложением создать такой мемориал вышел народный художник СССР Евгений Викторович Вучетич, чьи памятники советским воинам в Берлине, на Волге приобрели к тому времени мировую известность. Но осуществить свой замысел Вучетич не успел. После его смерти творческую группу возглавил народный архитектор СССР Виктор Елизаров. В ее составе трудился и я. Это было сложно, почетно и в общем-то увлекательно... Память о тех, кто погиб за Советскую Отчизну, угасать не должна.

— Кого бы вы назвали среди выпускников вашей творческой мастерской, кто успешно выполнил дипломную работу на тему военной героики?

— Года три-четыре назад наш институт окончил Валерий Тарасенко. Он пришел к нам после службы в армии с орденом Красной Звезды, которого удостоился за обезвреживание боеприпасов, сохранившихся в земле с минувшей войны. Для диплома он выбрал образ сапера, вложив в свое скульптурное решение все то, что сам пережил и перечувствовал. Сейчас он

работает в Киевской области. Очень хочется, чтобы ему сопутствовали творческие удачи.

— Вы, несомненно, преуспели как художник, хотя начали относительно поздно. Немало сил отдано вами организационной и педагогической работе: три срока возглавляли Союз художников Украины, семь лет были ректором Киевского государственного художественного института. Как сказывается такое совмещение?

— Для художника основное — творчество. Тут двух мнений быть не может. Но организационная работа тоже необходима. Тем более если у тебя болит душа за состояние дел в творческом союзе, за подготовку и воспитание новых поколений художников. Можно ли быть безразличным к тому, как, какими путями будет развиваться искусство, которому ты посвятил свою жизнь. В то же время я сторонник того, чтобы к руководству смелее привлекать молодых, давать им возможность быстрее заявить о себе, влить свежую струю в художественную жизнь.

Во время нашей беседы в мастерскую Василия Захаровича пришел заведующий кафедрой скульптуры КГХИ заслуженный деятель искусств УССР Валерий Валентинович Швецов. Поскольку Бородай заторопился на заседание приемной комиссии института, я продолжил разговор с его коллегой.

— Как правило, те, кто занимаются в творческой мастерской Бородай, — сказал Швецов, — при защите дипломов получают отличные оценки. Это относится и к студентам-иностранцам. Среди его выпускников последних лет — граждане Кубы, Ирака, Уганды.

— Что характерно для Бородай — педагога, воспитателя?

— Он умеет увлечь студента темой, а то и ненавязчиво, тактично подвести к решению замысла, создавая у обучаемого ощущение, будто находка озарила того самого. Так вызревал замысел композиции «Военная весна», за которую дипломник Иван Дудар был удостоен первой премии. Сейчас уже более восьмидесяти выпускников мастерской Василия Захаровича уверенно работают самостоятельно, в известной мере определяя своими произведениями лицо сегодняшней украинской скульптуры.

— Валерий Валентинович, вы тоже участвовали в создании скульптурных композиций «Украинского государственного музея истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Что бы вы сказали об этой коллективной работе?

— Прежде всего то, что Бородай, возглавлявший группу скульпторов, приложил немало усилий для привлечения к этой серьезной творческой задаче не только опытных мастеров, но

и молодежи. Делал он это с дальним прицелом: приобщить начинающих художников к героико-патриотической теме. И рядом с мастерами молодежь крепла и профессионально, и духовно, вникая в суть отображаемых событий.

— Воинский подвиг не меркнет, — часто говорит Василий Захарович. — Время лишь помогает отчетливо осознать его истоки. С этой целью зажигается в разных уголках Отчизны пламя Вечного огня, воздвигаются монументы и обелиски. Более 40 тысяч памятников и памятных знаков, посвященных доблестным защитникам нашей Родины, установлено только на территории Украины.

Василий Бородай один из тех, кто вложил в это дело огромный труд и вдохновение. Недаром к четырем его боевым орденам, полученным на фронте, прибавились ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов — за заслуги перед Родиной в области советского изобразительного искусства. Остается пожелать скульптору, ровеснику Октября, неубывающей энергии в осуществлении новых творческих замыслов.

Борис ЛЯПКАЛО

Александр ШТЕЙН:

ГЕРОИ ПРИХОДЯТ ИЗ ЖИЗНИ

КОМНАТА в старой московской квартире, стоило перешагнуть ее порог, напомнила корабельную библиотеку. Просторная, со стеллажами книг по периметру, она встретила строгим порядком, обстановкой, в которой ничего лишнего. Привлек внимание Военно-морской флаг, вернее, его уменьшенная копия на одной из книжных полок. Рядом отсвечивал позолотой офицерский кортик.

Пока я оглядывал рабочий кабинет Александра Петровича Штейна, сам хозяин застегивал ремни на повидавшем виды кожаном чемодане:

— Ну вот, «тревожный» чемодан на «товсь». Завтра в шесть утра улетаю. На этот раз не на Север, не на Тихий океан, а на Черное море. Буду встречать день рождения на море. Возможно, побываю на кораблях — все подальше от юбилейных речей и пожеланий...

Заметно, что дорога уже властвует над Александром Петровичем. Не верилось, что этому легкому на подъем, энергичному человеку — вступать в девятый десяток.

— Александр Петрович, часто приходится вот так?..

— Сниматься с якоря?

— Да. И еще: часто доводится бывать на флотах, у моряков?

— Последние годы, к сожалению, не столь часто, как бы хотелось. Это ответ сразу на оба вопроса. И дело здесь даже не в возрасте, его я, можно сказать, не ощущаю. Просто очень некогда. Регламентирую себя во всем, что прямо не касается основной сегодняшней работы.

— Что же это — основное? Вообще-то принято в конце интервью спрашивать, над чем работаете, что в творческих планах, но отойдем от традиции.

— Основное, чем занят что сейчас влечет, — это документальная проза. Воспоминания, литературные портреты известных людей, с кем сводила жизнь. Продолжаю и буду продолжать серию книг «Повесть о том, как возникают сюжеты», «Наедине со зрителем», «Небо в алмазах», «Второй антракт». Пишу для театра. Не так давно закончена пьеса под названием «Он и она». Драма. О судьбе двух немолодых людей. Сейчас на столе другая пьеса, но о ней пока говорить рано. Работаю также с молодыми драматургами. Много времени отнимают обязанности члена правления Союза писателей СССР, члена редколлегии журнала «Театр», участие в художественном совете Министерства культуры СССР. Словом, в запас, а тем более в отставку, не уйду. Не чувствую морального права на это.

— Ваши пьесы тоже не уходят в отставку, многие годы не сходят со сцены. Живут спектакли «Гостиница «Астория», «Океан», «Ночи без звезд», «Черный гардемарин», «У времени в плену»... Их главные герои близки сегодняшнему зрителю тем, что многое берут на себя, чувствуют большую ответственность за происходящее, тем, что однозначно сильные люди. А кто из героев вам как автору дороже?

— Спасибо за добрые слова о моих героях. Но вот вы сказали о них «однозначно сильные». Не хотелось бы, чтоб это было прочитано и понято как однозначные. Я стремлюсь, чтобы герои выходили неоднозначными, такими, как все мы. Пишу, и нравятся мне обыкновенные биографии необыкновенных людей и необыкновенные биографии обыкновенных. Тогда люди узнают себя, свои мысли и в то же время тянутся походить на тех, с кем познакомились на сцене... А кто мне дороже? Трудно сказать, все, пожалуй, одинаково дороги. Морской летчик Коновалов из «Гостиницы «Астория», капитан 3 ранга Платонов из «Океана», капитан 1 ранга Черногубов из «Персонального дела», адмирал Ушаков из «Флага адмирала», можно перечислять, вспоминать всех, и перед каждым из них станет словно неловко, если предпочту кого-то. Впрочем, вот о чем. Я из пьесы в пьесу пишу, не поверите, одного героя. Меняются обстоятельства, исторические условия, в которых они живут, действуют, но стержень у всех один. Гражданственность. И здесь нечему, собственно, удивляться. Каждый писатель, драматург, думаю, всю свою жизнь пишет одного героя, как поэт пишет одно стихотворение. Пишет современника, каким его понимает, видит, находит. Вот Платонов. После постановки пьесы «Океан» с Кириллом Лавровым в главной роли, а позже

— после одноименного художественного фильма я получал множество писем с вопросом: как возник образ Платонова?..

— **Интересно...**

— Этот герой был задуман во время дальнего похода на крейсере «Адмирал Сенявин» к берегам Индонезии. Тогда флот только начал выходить на океанский простор. Я задался целью показать офицера современного океанского флота. И многие черты были почерпнуты из общения с офицерами крейсера. Однако целостного образа не получалось. Чуть позже, на Балтике я познакомился с командиром другого корабля капитаном 3 ранга Владимиром Пирумовым. Нет, Пирумов вовсе не стал прямым прототипом Платонова, но он мне многое дал для понимания того, каким должен быть мой герой. Скажу, что корабль Владимира Семеновича был лучшим в соединении, передовым. Можно было добиться такой оценки муштрой? Наверное, можно. Можно — «подкручиванием гаек»? Наверное, да. Можно — постоянным напряжением всех человеческих сил? Безусловно. Но не этим брал Владимир Семенович. В эпитафии к его дневнику, с которым он меня познакомил, я прочел: «Человек!.. Надо уважать человека!.. Уважать надо!» Из монолога в горьковском «На дне»... Но было на флоте еще много знакомых: североморец, бывший командир подводной лодки капитан 1 ранга Леонид Задорнов, адмиралы Фокин, Исаков; была дружба с адмиралом Головкин, командиром легендарной Л-3 капитаном 1 ранга Грищенко...

— **Александр Петрович, вы неоднократно писали, что в основе пьесы «должен лежать беспорядок». Другими словами, должен быть глубокий конфликт. Какой бы конфликт вы положили в основу, если бы взялись писать о сегодняшнем флоте?**

— Не взялся бы. Хоть и постоянно интересуюсь тем, что такое сегодняшний флот, но не взялся бы. Его я почти не знаю. Писать о сегодняшнем дне моряков — это дело и долг молодых. Жаль, не появляется из-под их перьев запоминающихся произведений о ратном труде в океане. Не знаю, почему, недоумеваю. Что же касается конфликта... Без него нет драмы, это аксиома; но факты жизни сами по себе ничего не прибавляют в искусстве, и мне нравилось, когда Охлопков не однажды повторял слова Бальзака — «глупо, как факт». Нужно пережитое. Тогда напишется сурово, жестко, волнующе. Но не обойдется и без шипов. Может, это отпугивает тех, кому писать о сегодняшнем флоте, да и об армии? Но горько слышать сетования режиссеров, актеров на то, что мало хороших произведений о военных людях. Кстати, моя документальная проза — я ее писал, пишу с тайной мыслью склонить молодых к работе в этом направлении, дать советы, предостеречь от ошибок. И еще

повторю: новые работы нужны. Подрастает молодежь, ее надо воспитывать. В том числе и через театр. Ведь это и трибуна, и проповедь, и дружеская беседа. Помнится, даже в годы войны после боевого похода военные моряки находили возможность для свиданий с настоящим искусством.

— **Расскажите о том времени.**

— Самые дорогие и тяжелые воспоминания — это, конечно, годы войны. Я начал ее старшим политруком на линкоре «Октябрьская революция», позже стал батальонным комиссаром. Первые месяцы служил редактором корабельной многотиражки «Октябрьский луч». Ленинград в ту пору массированно бомбили, совершали налеты на корабли. «Октябрина» и «Марат», стоявшие рядом, по 12—15 раз в день отражали налеты гитлеровской авиации. Трудно описать происходившее, но мы заряжались друг от друга уверенностью, что все пересилим. Во время налетов я был расписан комиссаром кормы — была такая должность. По тревоге мчался на корму, чтобы там, на виду у зенитчиков и подносчиков снарядов, прохаживаться по палубе. По возможности без нервозности, с улыбкой. Надо знать флот, его дух, присущий только ему. Приходилось поддерживать этот дух. Во всяком случае, я старался...

А осенью сорок первого неожиданно пришел приказ о назначении меня корреспондентом «Красного Флота» — центральной флотской газеты. Три года до конца блокады был постоянным корреспондентом в Ленинграде и Кронштадте по морской пехоте. Всего, что довелось видеть, кажется, не втиснуть ни в какие книги и фильмы. 9 мая 1945 года, в День Победы, встреченный мной в Берлине, особенно остро поверилось: война больше не повторится...

— **Александр Петрович, ведь вы и сегодня не стоите в стороне от всего, что волнует советских людей...**

— За перемены, которые есть, которые, твердо верю, еще будут, ответственны все мы. Сами собой они не произойдут. Ни в жизни, ни в театре. Сегодня появились, появляются новые произведения, отражающие качественные перемены в обществе, начинается следующий этап: за осмыслением — более энергичное действие. Во встречах с различными людьми, наверное, в силу своей комиссарской бывшей должности, неизменно подчеркиваю необходимость этого действия.

— **Ваши пожелания воинам, читателям «Красной звезды».**

— Кратко: успехов в службе. И понимания, что именно это определяет защитника Родины. Еще — встреч с интересными, многогранными, настоящими героями книг, спектаклей, художественных кинофильмов, с героями, на которых хочется быть похожим.

Александр ОРЛОВ

Сергей НИКОНЕНКО:

И СТАЛО КИНО СУДЬБОЙ

СЕРГЕЙ НИКОНЕНКО, нет, все-таки Сергей Петрович. Хотя с первых минут знакомства забываешь, что перед тобой известнейший киноактер, вдобавок режиссер и сценарист, лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный артист РСФСР. Просто — «свой парень», выросший в одном из арбатских переулков, где живет и сейчас. За внешней «простецкостью» — душевная интеллигентность. Некоторая суровость обрачивается добротой. О себе рассказывает, слегка подтрунивая, а о тех, с кем сталкивала судьба, кто сыграл немалую роль в его жизни, — с нескрываемым теплом.

Он родился в лихолетье. 1941 год. Сберегла, вырастила мать Нина Михайловна, работавшая тогда на электроламповом заводе стеклодувом, да и в последующие годы «имела дело с горячим стеклом». А отец, как все, воевал. Вскоре после появления сынишки на свет ушел на фронт, был дважды ранен. Заканчивал войну в одной из московских пожарных частей сержантом-водителем. Запомнились Сереже связанные с отцом запахи бензина и терпкой гари, а также неопишимо вкусная баланда, которую тот умудрялся донести домой в котелке.

Годы послевоенные были для взрослых временем работы до позднего вечера, для ребятни — полуголодным («может, потому и ростом ох как не дотягиваю до сегодняшних акселератов») и полубеспризорным («в наших арбатских подворотнях затевались жестокие драки из-за голубей, а в классе верховодили здоровенные второгодники»).

Лет в 13 вырвала его из этой среды и захватила «одна, но пламенная страсть». Попал в школьный драмкружок и начал

«представлять»: в спектаклях играл, сам их ставил, стихи читал, пел, плясал, фокусы показывал. До сих пор, проходя мимо здания школы, которой здесь давно нет, заглядывается на окно 2-го этажа — там был «его» зал, «его» театр, шла наполненная смыслом мальчишеская жизнь. Учился средне. Добирал знания, истинную культуру уже во ВГИКе, где рядом с руководителем курса, такой высокоинтеллектуальной личностью, как С. А. Герасимов, нельзя было оставаться студентом-полужайкой. Но это потом.

— А первые учителя в искусстве были у меня вовсе не знаменитые, — вспоминает Сергей Петрович, — но тоже необыкновенные... Руководительницы студий — художественного слова и театрально-драматической в Доме пионеров. Туда, кроме школьного драмкружка, я бегал четыре раза в неделю. Как они, Анна Гавриловна Бовшек и Евгения Васильевна Галкина, нас, ребят, любили! Готовили из нас не артистов — людей, заботились, какими вырастем, какими станем. И если есть во мне что-то хорошее, оно заложено ими.

Слушаю это и вспоминаю Сергея Никоненко — директора школы в недавнем фильме «Завтра была война». Вот он, бывший кавалерист с боевым орденом на груди, сидит перед входом в школу на табуреточке, растягивает мехи гармошки, а ребята — и большие, и маленькие — хором поют популярную геройскую песню. И в этой «причуде» директора, в самозабвенном выражении лица — весь он, с его любовью к детям, верой в людей и будущую счастливую жизнь. Или с балкона все того же школьного здания он объявляет, что сегодня занятий не будет: малыши по домам, а старшие пойдут провожать в последний путь трагически погибшую ученицу — суровые складки у рта и такие глаза! В них угадываешь мужество человека, способного на ту честность, которая в атмосфере тогдашних репрессий оборачивалась героизмом. В числе четверых создателей фильма Никоненко удостоен золотой медали имени А. П. Довженко, присуждаемой кинематографистам за успехи в раскрытии военно-патриотической темы.

Когда знаешь, что артист сыграл 74 роли, теряешься, о какой работе расспросить. Наверное, лучше узнать о самых любимых. В ответ с улыбкой пожимает плечами:

— Что тут скажешь? Общеизвестно, бывают роли, удавшиеся больше или меньше. Но каждая из них дорога. А чтоб самая-самая... Ну и трудный же вопрос!

В фильме Герасимова «Люди и звери» я снимался после первого курса. Роль племянника главного героя. Казалось бы, не бог весть что, а для меня это был целый мир, куда так трудно, интересно входить. Затем в картине Азарова «Это случилось

в милиции» играл солдата, который находит родителей, потерявших его в войну. «Будь автором своего образа», — учил нас Герасимов. Вот я и пришел к Азарову с предложением: «Хочу сыграть то-то и то-то, но мне не хватает одной сцены». Он ответил: «Напиши». Написал — это был мой первый опыт в кинодраматургии. Среди любимых ролей: ответственный секретарь районной газеты в «Журналисте», Петр Зыков в «Инспекторе ГАИ», балетмейстер Фомин в фильме «Зимний вечер в Гаграх», Степка Калашников из фильма «Трын-трава», который я сам поставил.

Да, в 1972 году Никоненко получил второе высшее образование, режиссерское, в той же мастерской С. Герасимова и Т. Макаровой. За дипломную работу «Петрухина фамилия», где был сценаристом, режиссером и актером, он удостоен главных призов на фестивалях короткометражных фильмов в Оберхаузене (ФРГ) и Гренобле (Франция). С тех пор поставил еще 6 картин.

— Конечно, очень любимая роль Васьки-чудика в «Странных людях», — продолжает ответ на «трудный» вопрос Никоненко. — Ставил картину Василий Шукшин, который много для меня значил и значит. Да кого не поражал он неординарностью образа мыслей, поступков, суждений о людях. Умел распахнуть душу навстречу другому человеку. И методы режиссуры у него были свои, особые.

Приехали мы снимать картину под Владимиром. Сидим на бревнах, ждем, когда свет поставят, кинокамеру зарядят. Народ деревенский на нас поглядывает. Он мне: «Сережа, видишь вон тех женщин? Пошел бы ты к ним, поговорил». Ну, я пошел. Стал рассказывать про картину. Они спрашивают. Как-то незаметно заговорил от лица героя. Мол, еду к брату. И про брата все, что знаю, выкладываю (его Евгений Евстигнеев играл), и про братнины семейные сложности им, как на духу, признаюсь. Возвращаюсь к группе и чувствую себя уже этим вот Васькой-чудиком. Василий Макарович очень доволен: то ли тем, что эксперимент поставил удачно, то ли посчитал для меня это главной перед съемками репетицией. 20 лет прошло с тех пор, а помнится, как вчера! Крупной он был личностью.

Наш разговор сам собой переходит к жизни, людям, человеческой сущности. Опять вспоминает Сергей Петрович и отца, и деда, сельского плотника, вырастившего 12 детей.

По поводу того, что же все-таки главное в человеке, он, Никоненко, считает:

— Порядочность. Интеллигентность, которая не обязательно предполагает образованность и высокий культурный уровень. Я знал людей духовно тонких, хотя, увы, недостаточно

грамотных — жизнь учила их тому, что не подлѣжит переоценке: доброте, отзывчивости, чуткости. Ну а когда порядочный, сердечный человек еще и высокообразован, тут вариант идеальный. Думаю, каждый из нас к этому должен стремиться.

На актерском счету Сергея Петровича множество персонажей военных.

— Как правило, это солдаты, самые что ни на есть простые люди... В дипломной работе Никиты Михалкова «Спокойный день в конце войны» я играл рядового Андрея, ушедшего на фронт из деревни. Съёмки шли под Тарусой. Мы вдвоем с режиссером выехали раньше других, жили в колхозе, вместе со всем выходили на работу в поле, вместе садились за стол. И появились у меня тот же диалект, те же повадки...

Приходилось представлять мне русским пареньком-солдатом весны 45-го и в венгерском фильме Миклоша Янчо «Так я пришел». В основе сюжета непростые взаимоотношения сведенных судьбой нашего воина-освободителя и румынского военнопленного. Янчо приезжал в Москву; в поисках актера на эту роль пришел в группу герасимовских дипломников, показал на меня: «Он!» Когда я прочитал по подстрочнику сценарий, то с разрешения режиссера переписал слова роли.

Вообще-то мне доводилось бывать солдатом «из разного времени». Это и гражданская война — фильм Василия Ордынского «Красная площадь», где я играю ни в чем на себя не похожего, шепутного и непкладисто-громкоголосого матроса Володю. И Великая Отечественная — киноэпопея Юрия Озерова «Освобождение», там я рядовой труженик войны Сашка. Роль сегодняшнего благополучного штатского человека, проходящего армейскую переподготовку, у меня в фильме «Парад планет» Вадима Абдрашитова, к которому питаю какое-то особо теплое чувство. Да разве все перечислишь!

В дни, когда мы беседовали, Никоненко вновь снимался у Озерова, на этот раз в ленте «Сталинград».

— Что за роль? Наконец-то я из солдат «препровожден» сразу в генералы. Так я шучу. А задача вовсе не шуточная: создать образ прославленного героя, генерала Александра Ильича Родимцева. В свое время на «Освобождении» он был военным консультантом, мне приходилось его видеть. А тут — надо им стать... Понимаю, как это ответственно. Какой он был человек и военачальник, знаю не только из мемуарной литературы. Мой дальний родственник дядя Сережа — он не так давно умер — воевал в 13-й стрелковой дивизии под командованием Родимцева. Я слышал его рассказы, как под началом этого мужественного человека они держали Сталинград, не пускали фашистов к Волге.

На прощание прошу Сергея Петровича адресовать несколько слов читателям, особенно тем, кто в рядах Советской Армии.

— Воинам, как и обитателям нашего, в общем-то, небольшого «шарика», я желаю только обучаться военному делу, но никак не воевать. В наш век, когда слишком легко уничтожить все живое, только мир может обеспечить жизнь, радость, свет. Но армию без дисциплины, боеготовности не представляю себе. «Из жадости я должен быть жесток», — говорит Гамлет. Из заботы о сегодняшнем мире мы, уменьшая запасы орудий уничтожения, должны быть сильными, подготовленными в военном отношении. Так я понимаю. Вот и хочу сказать: будьте милосердными, а вместе с тем мужественными, стойкими, как наши прадеды, деды, отцы.

Евгения КАБАЛКИНА

Борис ПИОТРОВСКИЙ:

ЭТО СВИДЕТЕЛИ НАШЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ

О Н стоит на Неве; здесь, у его здания, октябрьской ночью революционного 1917 года свершилось величайшее событие века — начиналась новая эра. Нынче Зимний дворец всемирно известен как музей.

Разговор с директором Эрмитажа, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии СССР, членом президиума Академии наук СССР Борисом Борисовичем Пиотровским начался так.

— А знаете ли вы, — спросил академик, опережая заготовленные вопросы, — что Эрмитаж располагает, помимо коллекций произведений искусства, различных редкостей, еще и собранием боевых знамен? (Корреспондент, к его стыду, действительно считал, что этот музей сугубо «штатский». — В. Н.). У нас хранится более 6500 знамен и штандартов. Различие уж вам наверняка известно: знамена — пешего войска, штандарты — у конницы. В собрании — военные реликвии начиная с XVI и кончая нашим веком, периодом первой мировой.

— Это все — российские?

— Не только. В музее самая большая в мире коллекция знамен времен Северной войны. Из трофеев, добытых у противника в боях, более двух тысяч — восточного происхождения, 600 — западноевропейского.

Поднимаемся на верхний этаж Эрмитажа. Оставив свою подпись в специальном регистрационном журнале, ступаю в обширное помещение хранилища знамен. Оно без окон: солнечный луч способен повредить полотнища, вытканые не одно столетие назад. При свете неярких светильников замечаю своего

рода эпитафия к экспозиции — крупно выписанную строку из «воинского артикула» петровских времен: «Кто знамя свое или штандарт до последнего часа своя жизни не оборонит — оный недостоин есть чтоб имя солдата имел».

Точно на параде, стройными рядами выстроились на специальных подставках знамена-реликвии.

— Нас, ученых, глубоко волнует все, что связано с историей Родины, — говорит Борис Борисович. — О каком же из шести с лишним тысяч экспонатов сказать подробнее? Задача — не из легких. За каждым знаменем — батальи и подвиги. Вслушайтесь хотя бы в шелест этого, с золотым шитьем...

Трогаю тяжелое полотнище, отливающее настоящим золотом. Это, как я узнал, единственное в русской военной истории знамя роты гренадеров — ветеранов войны 1812 года. Подразделения, сформированного более ста лет назад сплошь из ее героев. Потому и велено было расшить материю золотой нитью.

— А вот это знамя георгиевское, — продолжается наша удивительная экскурсия по мягко освещенному хранилищу. — Оно служило наградой в память о победном бое при Шенграбене, описанном Львом Толстым в «Войне и мире».

В Эрмитаже хранится и первое знамя за храбрость, врученное Киевскому гренадерскому полку.

— Вижу на нем герб Киева. Так было принято: изображать на военном знамени герб города, чье название присваивали подразделению, части?

— Да, но случалось, что города (например, Луцк или Симбирск) не имели своих гербов. И их сначала «придумывали» для полкового знамени, а уже потом со знамени этот знак переходил к городу... Сейчас вы тронули древко лейб-гвардии Литовского полка — самого молодого полка русской гвардии, сформированного в 1811 году и отличившегося в Бородинском сражении. Этот полк вел бой у Семеновского оврага, где вместе с лейб-гвардии Измайловским и Финляндским полками отражал натиск французской конницы, не дав ей прорвать в этом месте наши позиции.

В ту войну было захвачено немало вражеских знамен. Рассматриваю одно такое. Оно сейчас вовсе без полотнища. Время не пощадило ни его, ни другие французские трофейные штандарты. Навершая у них, как и положено было в наполеоновские времена, с золотыми орлами, горделиво выпятившими свои грудки.

— А это тоже трофей 1812-го, но с полотнищем, — вновь звучит рассказ. — История знамени по-своему интересна. Можете притронуться к древку. Его держала и наполеоновская рука.

Император лично вручал знамя французскому 127-му линейному пехотному полку после сражения под Смоленском. Затем, когда врага наконец погнали, это же знамя было захвачено русскими войсками как трофей после сражения при Красном. На нашей земле его вручили, но и пленено оно опять-таки здесь, на российских просторах!

Когда рассматривал эти трофейные восточные бунчуки, эти штандарты и с французскими, и с остробокими готическими надписями прошлых веков, подумалось об увиденном в знаменитой кинохронике нашего века: к Мавзолею во время Парада Победы навалом летят вражьи штандарты, фашистские знамена. Издревле так ведется: стяг нашей Отчизны побеждал... Вот что невольно вспомнилось там, на верхнем этаже Эрмитажа.

— Бывают ли здесь экскурсии?

— Бывают, хоть и немногочисленные. В основном — из специалистов музейного дела, научных работников, военных историков. Но в дни юбилейных, тематических выставок мы, конечно же, берем из хранилища и представляем в экспозициях некоторые из этих знамен.

Затем, уже в общедоступных залах, мне показали богатую коллекцию военной графики, батальной живописи. Здесь и Полтавское сражение, и виды Васильевского острова, «зарисованные» в момент торжественного ввода шведских кораблей, взятых в плен петровским флотом. Смотрели мы и образцы оружия в рыцарском зале; а в тесноватом, уставленном стеллажами и шкафами служебном помещении — яркие листы альбомов военной одежды разных времен. Здесь же увидел я совсем, казалось бы, «неэрмитажное» — десятитысячную армию... оловянных солдатиков. Мне пояснили: сделаны они еще в прошлом веке, но их обмундирование, снаряжение столь правдоподобны, исторически точны, что эти игрушки служат, к примеру, теперешним кинематографистам при съемках картин моделями старинной военной одежды.

Наш разговор с академиком Пиотровским продолжился в его служебном кабинете.

— Борис Борисович, а что вы, директор крупнейшего в Союзе да и в мире музея, думаете о войсковых наших музеях?

— Нужно это очень и полезно! — оживленно отзывается Пиотровский. — Единственный совет: не стоит делать во что бы то ни стало именно музеи. В воинском подразделении или части может быть учебный класс, уголок патриотического воспитания, коль не наберется, предположим, экспонатов, достаточных для создания чего-то масштабного. Пусть документы полковых архивов, портреты ветеранов части, другие реликвии станут в ряд с иными формами политической, воспитательной

работы. Такая скромная экспозиция способна не менее красноречиво рассказать сегодняшнему солдату и о подвиге его героических предшественников-однополчан.

— В текучке музейных ваших дел вы ведь не можете забывать о самом главном сегодня — перестройке?

— Нам XXVII съезд партии, последующие Пленумы ЦК КПСС дают четкий курс в работе: делать современного советского человека цивилизованной, высокоразвитой, подлинно духовной личностью. Сейчас мы с вами проходили залами и видели посетителей — юных и седовласых, гражданских и военных. Каждый из них — а за год у нас бывает более трех миллионов человек — уходит из Эрмитажа хоть на какую-то малость, но лучше, выше, чем он был до входа в музей. И надо всячески стремиться к тому, чтобы доступ посетителей в Эрмитаж не ограничивался, а расширялся. Общаться с богатствами искусства — значит внутренне расти. Наша задача всемерно помогать такому процессу. С этой целью я выступаю с лекциями, в том числе перед воинами, курсантами, слушателями ленинградских академий.

Антикварные, в позолоте и фигурках, часы мелодично прозвонили, будто напоминая: пора закругляться и не злоупотреблять временем хозяина кабинета — человека, обремененного многими заботами, к тому же и солидного возраста. Спрашиваю Бориса Борисовича, что передать читателям «Красной звезды».

— Желаю им хорошо исполнять свой долг. Ведь наравне со сталеварами, хлеборобами, инженерами, учеными войны участвуют в сегодняшних революционных преобразованиях, столь важных в жизни нашего народа. А у нас в Ленинграде, в знаменитом Эрмитаже, они всегда желанные гости.

Виталий НЕСТЕРЕНКО

Юрий НАГИБИН:
**ПИСАТЬ
МЕНЯ ЗАСТАВИЛА
ВОЙНА**

ИМЯ Юрия Нагибина — прозаика, популярного рассказчика — хорошо известно не только активным читателям, но и тем, кто читает мало. По сценариям писателя поставлено более тридцати фильмов. В том числе такие широко известные, как «Председатель», «Бабы царство», «Самый медленный поезд», «Дерсу Узала», «Директор»...

— Нагибин? — переспросит заядлый радиослушатель. — Знаю. А как же. Слышал его рассказы «Трубка», «Комаров», «Зимний дуб»... А телезрители вспомнят программу Клуба путешественников об охране памятников истории и архитектуры Москвы. Передачи о Лермонтове, Лескове, Аксакове...

В нашем читательском представлении Юрий Нагибин — прежде всего писатель современности, прозаик городской темы. И за этим как-то не всегда помнится, что он принадлежит к тому поколению художников слова, которых сформировала война. Она «застыла» на обложках многих книг в его рабочем кабинете, где я встретила с писателем. И словно угадывая мои мысли, он начал свой рассказ из тех, теперь уже далеких предвоенных и военных лет.

— Первый мой рассказ «Двойная ошибка» был опубликован в «Огоньке» в 1940 году. Перед самой войной рукопись рассказов я предложил издательству «Советский писатель». Но так случилось, что книга не вышла. И теперь, спустя многие годы, я рад этому, так как право писать, серьезно работать дала мне война. Можно сказать — писать меня заставила война. Первой моей книгой стал сборник «Человек с фронта», в котором, как мне кажется, были крупницы подлинного опыта, не ва-

даром давшегося. Героями рассказов, вошедших в книгу, стали пехотинцы, связисты, политработники, переводчики, дорогие мне люди, с которыми довелось встречаться на фронте. Потом вышли книги «Большое сердце», «Две силы», «Гвардейцы на Днепре». Все они — о Великой Отечественной. После контузии в качестве корреспондента газеты «Труд» я побывал в Сталинграде в последние дни знаменитой битвы, в Ленинграде. Видел, как освобождали Минск, Вильнюс, Гродно, Каунас...

— **В годы войны вас приняли в Союз писателей СССР?**

— Да, в сорок втором году, когда я был на Волховском фронте, в мое отсутствие состоялось заседание, посвященное приему. Леонид Соболев прочитал вслух мой военный рассказ «Две силы». Александр Фадеев сказал: «Он же писатель, давайте примем его в наш союз». Так вот просто и приняли. Заочно, без всякой бюрократической канители, как это обыкновенно бывает сейчас.

— **И в послевоенные годы вы много писали о войне.**

— После войны работал в газете «Социалистическое земледелие», писал очерки о сельской жизни. К тому времени относится рассказ «Ваганов», вошедший почти во все сборники. В 1947 году вышла книга «Зерно жизни», объединившая все наиболее прочное, написанное о войне. А потом я как-то надолго отошел от военной темы.

— **И тем не менее она присутствовала во многих рассказах. Это ощущалось не только в каких-то конкретных подробностях фронтовой жизни, но в самом выборе героев, в их характерах.**

— Безусловно. Хотя это происходило как бы помимо моей воли. Ведь мое поколение — военное. По судьбам многих моих друзей безжалостно прошла война. Есть у меня, к примеру, рассказ «Мой первый друг, мой друг бесценный» и повесть «Павлик» о лучшем друге. Павлик погиб под Москвой, но навсегда остался в моей душе. Как тут обойдешь войну?.. Есть она и в «Терпении», и в «Берендеевом лесе», и в «Школьном альбоме».

В нашей школе в параллельном классе училась Женя Руднева, секретарь комсомольской организации школы. Мечтала быть астрономом. Но ушла добровольцем на фронт и стала летчицей. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза. Ее именем названа одна из вновь открытых звезд... Вот такая высокая судьба.

Многие мои сверстники ушли добровольцами на фронт, хотя имели право на окончание вузов. Но совесть заставила их поступать так, как требовало того время. Павел Глуз учился во втором медицинском институте. На фронт ушел как хирург.

Во время операции он прикрыл собой раненого бойца. Оба погибли, прошитые вражеской пулей. Погиб и другой мой сверстник, тоже врач, Георгий Рейхлин. Герои «Школьного альбома» — мои сверстники, товарищи, одноклассники. О войне были у меня и кинофильмы — «Самый медленный поезд», «Пока фронт в обороне», «При дороге».

— Юрий Маркович, вы написали немало повестей: «Павлик», о которой уже сказали, «Трудное счастье», «Далеко от войны», «На кордоне», «Перекур». Но считаете себя прежде всего рассказчиком, так сказать, чистым новеллистом.

— Это уж, видно, таков склад моей души. Помню, в юности я хорошо бегал стометровку, играл в футбол. Но хватало меня только на один тайм. Быстрее всех чистопрудненских велосипедистов проносился вдоль ограды бульвара. Но в дальних загородных выездах тащился в хвосте. У меня короткое дыхание и невыносливое сердце. Меня хватает на вспышку, а не на долгое горение. А потому и работаю в жанре так называемой малой прозы — рассказ, новелла, сценарий, небольшая повесть. А настоящая большая повесть «Павлик» далась мне с трудом. Но зато испытываешь ни с чем не сравнимую радость, когда удается хоть в какой-то мере в небольшом рассказе сказать о большом, о дорогом. Может быть, приучила к этому и газетная работа, еще с тех времен, когда был военным корреспондентом.

— Кстати, в военные годы вы публиковались в «Красной звезде»?

— А как же. Кроме очерков, «Красная звезда» опубликовала несколько моих рассказов. Особенно запомнилась работа над рассказом «Связист Васильев». То, что делал герой этого рассказа, видимо, нельзя назвать подвигом. Но был в его работе строгий и точный расчет. И герой был прекрасен. Он и под пулями вел себя как умный, рачительный хозяин... Таких людей я немало видел на фронте, в блокадном Ленинграде, где побывал в качестве военного корреспондента и где видел не только голод, страдания, но и мужество советских людей.

— Приходится ли вам встречаться с сегодняшними воинами?

— Такие встречи были в Московском гарнизоне, в Военной академии имени Фрунзе. Запомнилась встреча с моряками-тихоокеанцами, где я вручал молодым воинам комсомольские билеты. Но особенно памятна поездка на Байкало-Амурскую магистраль, встречи с воинами-железнодорожниками. Результатом этой поездки стал рассказ «Вася, чуешь?». Мне всегда интересны встречи с молодежью.

— Видимо, не случайно у вас так много произведений о детстве. В цикле рассказов «Чистые пруды», «Лето моего дет-

ства» вы прослеживаете, как прошлое, однажды пережитое, навсегда входит в жизнь человека, как цепко в нас держится детство.

— Когда мы говорим, что все мы родом из детства, мы и правы, и что-то упрощаем при этом. Ведь детство растворено во всей нашей жизни. Это таинственная пора, нами, взрослыми, порой забываемая. С годами наслаиваются впечатления, мы привыкаем к жизни, и постепенно отпадает, отмирает голос детства. И какой бы памятью мы ни обладали, чувства уже не те. Но счастлив человек, которого не покидает память о детстве.

Я вырос в литературной среде. Многим обязан своему отчиму, писателю Рыкачеву, который открыл для меня мир великих писателей, избавил от бесполезного чтения. В детстве меня окружала обстановка доброжелательности, дружбы и, что очень важно, прочного и надежного семейного быта. Постоянно чувствовал я сильную и чуткую руку моей мамы Ксении Алексеевны, которая направляла меня в жизни.

— У вас ведь было городское детство.

— Нет, почему же. Встреча с деревней произошла у меня в раннем детстве. Была в нашей семье няня Вероня, любящий, преданный человек, которой я посвятил немало благодарных строк в «Книге детства». Она и приобщила меня к деревенским делам и заботам. Под звездным небом, на стылой рассветной рыбалке, в избе с земляным полом и жаркой печью передо мной вставали совсем иные вопросы, чем в московской жизни. И это не приводило к раздвоенности, к ощущению внутренней разорванности бытия, напротив, складывалось в цельное и полное мировоззрение. Знание деревенской жизни и занятие журналистикой помогли мне потом при работе над фильмом «Председатель».

— Юрий Маркович, сегодня много говорят о так называемых молодежных проблемах. Мне представляется, что выделение их из общих народных и государственных забот надуманно, искусственно. Что вы думаете о нынешнем молодом поколении?

— Я далек от претензий выдавать оценки и приговоры. Здесь, видимо, более интересно мнение о себе самих школьников. Недавно мне довелось познакомиться с результатами социологического исследования, где анализировались и мои рассказы о детстве. Так вот, старшеклассники завидуют сегодня нашей более чем полувекковой дружбе и прямо сетуют, что у них нет потребности в настоящей дружбе. И после школы, института бывшие одноклассники, сокурсники навсегда теряют друг друга. Какое-то неглубокое общение, состояние внутренней разобщенности характерно для сегодняшних молодых людей. По-

чему множатся клубы «по интересам»? Да потому, что они противостоят домашнему и другому одиночеству. У нас же все вокруг работало на сближение. Поэтому и сейчас нам так легко длить нашу дружбу.

Меня сегодня огорчает и то, что нынешние молодые люди плохо знают свою родную историю. История выносит человека из тесных пределов собственного существования. Она учит находить свое место в жизни. Пробуждается сознание собственной ценности, а с ним и ответственность за все тебя окружающее. Почему-то стал теряться у нас и вкус к семейной истории. Раньше составляли свои родословные, хранили и гордились ими. Каждый чувствовал себя веточкой могучего дерева. Не просто пушинкой на ветру, а необходимым звеном в цепи жизни. Тогда только можно осознать себя участником общего народного движения. С этим ведь прямо связано глубокое чувство патриотизма. Человека, знающего свои корни, уже не повернешь так просто куда угодно, не склонишь ко злу. Он уже личность. И это ничуть не противоречит коллективизму. Ведь настоящий коллектив — непременно совокупность индивидуальностей. Об этом надо сейчас говорить настойчиво и постоянно.

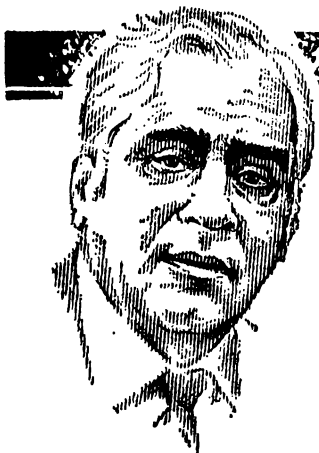
— **Может быть, именно потому вы обращаетесь сейчас все чаще к публицистике?**

— Да, вы знаете, я открыл в себе какую-то новую энергию и переключился с рассказов на публицистику. Пишу о Москве, о защите и сохранении памятников культуры столицы. Москву ведь любят не только москвичи. Я замечаю в ней большие перемены. Конечно, сложно сочетать древнее с новым, но вот сохраняют же старину в Ленинграде...

Публицистика сегодня особенно необходима. Не случайно к ней обращаются многие писатели. Мне нравится работать на телевидении. Я-то образование «набирал» сам. Понимаю, что культура не падает, как некий плод с дерева. Теперь же радио и телевидение «подают» культуру на дом. Это и хорошо, и чревато опасностью, если передачи не заставляют человека размышлять, а только пассивно смотреть и слушать. То есть человек перестает платить за культуру даже малым усилием. Многосерийные телефильмы уменьшают спрос на книги. Зачем читать толстый том, если тебя фабулой кормят, как кашей с ложечки. Для духовного же обогащения нужна напряженная и постоянная работа души.

Клара ХРОМОВА

Игорь ГОРБАЧЕВ:

ПОМНИТЬ, ОТКУДА РОДОМ

ЭТО интервью состоялось почти год назад, в канун 60-летия актера и режиссера, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР Игоря Олеговича Горбачева, когда коллеги по Ленинградскому академическому театру драмы имени А. С. Пушкина готовились поздравить своего художественного руководителя; студенты вуза — своего профессора; воины ЛВО — шефа, знакомого по выступлениям в частях.

Как правило, все предъюбилейные беседы строятся однотипно: несколько фактов из биографии, творческие планы... Но такое явно не в характере Игоря Олеговича — прямо с порога не я ему, а он мне стал задавать вопросы:

— «Чужую ношу» у нас видели? Что о ней говорят? Как реагируют — вы же слышите разговоры зрителей? Ведь для нас это не просто очередная премьера, спектакль носит принципиальный характер. Мы посвятили его 70-летию Октября, и он стал в своем роде первой ласточкой на ленинградской сцене: в нем мы попытались передать самое насущное сегодня для всех чувство перестройки, попробовали обнажить нравственные рычаги обновления, показать, как меняются позиции людей в процессе борьбы.

В двух словах — о том, что происходит в «Чужой ноше». Мой собеседник играет в этом спектакле ключевую роль — кадрового рабочего Кормилицына. В его бригаде некогда работал нынешний председатель горисполкома Гроздев. Приближаются новые выборы. Кормилицына называют доверенным лицом Гроздева. И вот бригадир, вместо того чтобы, как принято было, пропагандировать своего кандидата в депутаты, наприя-

мик заявляет зарвавшемуся «мэру», бюрократу и чинуше: не твоя это ноша — высокий пост народного избранника. Или уходи добровольно, или я, коль я лицо гверенное, отложу бумажку, подготовленную твоими лизоблюдами, и всенародно скажу о том, что ты растерял свою рабочую честь, что ты недостойн ни своего места, ни нашего времени.

— В жизни, — продолжает размышлять о своей роли Игорь Олегович, — найдется еще немало примеров тому, что чиновник, бюрократ, даже казнокрад отнюдь не получают сполна всего, чего заслуживают. Ох, как часто мы — я имею в виду и нас с вами — не решаемся сказать прямо в глаза облеченному властью хапуге: ты — нечистоплотен, и руки я тебе не подам!

А ведь нынешняя переделка нашей жизни — она вся борьба за чистоплотность, понятию в самом широком смысле: за нашу нравственную чистоту, за чистоту наших рядов, чистоту нашей демократии. В конечном счете — за чистоту социализма. И борьба эта идет повсюду, в городе и деревне, в учебном заведении и в театре, в армейских рядах — адреса можно называть любые, суть в том, что мы учимся жить и работать по совести.

— Я сейчас вспоминаю ваше выступление на XXVII съезде партии. Прозвучало в нем хорошее старое русское слово, уже полузабытое: «совестливость».

— Полузабытое, это вы верно... Вот как раз в «Чужой ноше» и в предшествующей ей постановке «Требую суда!» (того же автора, московского драматурга Олега Перекалина) тема совестливости звучит доминантой. Перемены в нашем обществе открыли театру простор для поиска героев, подобных моему Кормилицыну: людей активных, предельно честных, непримиримых к несправедливости и комчанству, готовых отстаивать свои идеалы.

На сцене Игорь Олегович давно, еще с 1954 года. И что называется, с порога, с первого выхода в Пушкинском театре, он заявил о себе как о даровитом, ярком исполнителе. И вот что характерно: всегда с особой охотой, влюбленно и достоверно играл он роли людей военных.

Это был, например, военврач Устименко из «Дела, которому ты служишь», личность масштабная, волевая, твердый характер, его сегодня бы назвали в числе «прорабов перестройки». Военмор Алексей из «Оптимистической трагедии». Капитан 3 ранга Бакланов из «Второго дыхания». А тем, кому не довелось смотреть спектакли Пушкинского, памятно, конечно, образы, созданные в кинематографе, — взять хотя бы Огнева из картины о создателях отечественной боевой техники «Укрощение огня».

— Всегда стараюсь не просто надеть на своего героя военную форму, это было бы куда как легко: сменил одежду — и ты уже другой человек. Ищу военный характер — уверен, что такой существует. Общение с солдатами, офицерами обычно дает живой импульс моей игре, работе перед кинокамерой. Как получается — это уже судить не мне. В фильме «Командир корабля» я играл Плакушу. Прочно живут в сердце воспоминания о съемках этой картины. Проходили они на одном из кораблей Черноморского флота. Я, наверное, досаждал морякам своими приставаниями: как надо поступать, как вести себя подлинно флотскому человеку, офицеру... Многое вошло в роль, многое вошло и в жизнь мою: ведь характер, который мы играем, воспитывает не только зрителей, он воспитывает и актера.

За несколько дней до нашей встречи я пересмотрел по телевидению уже знакомый телесериал «Операция «Трест» Якушев. Сложная судьба, сложный, многогранный образ. Как благородно играет его Горбачев! Неспешно идет его Якушев к сотрудничеству с чекистами, неспешно и трудно — но неуклонно. Здесь мне видится умение актера раскрыть в сердце своего «антигероя» то, что оказывается выше сословных предрассудков — чувство любви к Родине, веру в свой народ. Ведь именно это привело в ряды борцов за власть Советов многих русских интеллигентов, военспецов — даже из стана тех, кто сначала шел против своего народа.

Нельзя не вспомнить и одну из недавних работ И. Горбачева — постановщика и исполнителя главной роли в спектакле «Фельдмаршал Кутузов». Память сохранила впечатления военного времени: именно тогда была создана эта пьеса в стихах В. Соловьева, в ней играли мои родители-актеры перед фронтовиками. И героический пример воинов Отечественной войны 1812 года помогал бить врага бойцам Великой Отечественной войны.

— В чем секрет долгожительства «Фельдмаршала Кутузова»?.. — повторяет мой вопрос Игорь Олегович. — В том, что произведение это будит в нашей душе нетленное чувство патриотизма, напоминает, что мы сегодня наследуем воинские традиции наших предков. Каждый из нас, военный, гражданский ли ты человек, несет моральную ответственность за состояние обороны Родины. Да, мы — самая мирная держава, политика мира провозглашена в одном из первых ленинских декретов. И мы готовы к диалогу с другими державами — диалогу о мире. Но сколько военных бед полной чашей испил народ этой самой мирной страны? И пока сохраняется опасность войны, профессия военного остается не менее нужной, чем профессия

ученого, хлебороба или токаря. И театр, учреждение, ответственное за воспитание людей, не может не быть воспитателем патриотов.

Кое-кто из моих коллег — актеров и режиссеров — считает такие спектакли «несовременными». Я не согласен. Конечно, «Чужая ноша» и «Требую суда!» — сегодняшний день, но и «Фельдмаршал Кутузов» воспитывает личность, готовую на бой за свои, за наши идеалы — с любым врагом!

В продолжение исторической темы занялись мы новым произведением. Василий Белов передал нам пьесу об Александре Невском. В театре возникает определенная линия — от Невского и Кутузова к тем, кто ведет сегодня бой в жарких горах Афганистана. Пьесу о наших войнах, исполняющих там свой интернациональный долг, мы должны скоро получить, есть договоренность с автором. Еще одна работа — о современном Военно-Морском Флоте: моряк-политработник, вице-адмирал, предложил нам свое произведение. Не называю имена этих авторов из чисто актерского суеверия.

— Ваше право, Игорь Олегович. Но пока пьеса не в афише, вас не гложет беспокойство: а вдруг окажется, что оба автора... ну, скажем осторожно... не очень?..

— Не Шекспиры, не Островские и не Треневы, хотите вы сказать? Я — противник режиссерской «линии ожидания»: вот придет, дескать, гений, тогда и поставим его пьесу. Работа театра, помноженная на пыл актерского сердца, режиссерскую страсть, должна рука об руку идти с автором молодым, но сумевшим выкристаллизоваться из общей массы «желающих писать». Олег Перекалин со своими пьесами обошел несколько известных столичных театров, но там, наверное, тоже подумали: «Не Шекспир». Мы осторожничать не стали. И публика приняла наш эксперимент.

Поскольку зашла у нас речь об армии, Игорь Олегович не удержался, похвалился: его сыну на срочной службе присвоено звание сержанта.

— Вот принес бы кто-то пьесу о таком человеке, как старший прапорщик Борис Михайлович Артамонов, с которым служит сын. По его рассказам, этот человек отмечен божьим даром незаурядного воспитателя. В пьесах, писанных об армии, делаются попытки «организовать» конфликт там, где его по сути нет: конфликт между личностью и уставом. А вот о том, как перековываются характеры, как мужают наши дети под присмотром армейских учителей, пишут мало и неинтересно.

А ведь им приходится куда как не легко, воспитателям в погонах. Слишком много наносного влияет на нашу молодежь. Вот вы говорите, шли к нам — и смотрели на афиши. Рок-па-

норамы, рок-парады, даже в Капелле — программа «От классики до джаза». Развлекательная масскультура...

Вы знаете, театр перестраивается. И мы, пушкинцы, включаемся с нового года в эксперимент. Но эксперимент этот — экономический. Идеологической работа театра была, есть и остается постоянно. Тот театр, где мы с вами сейчас сидим, построен великим Росси. Его не надо перестраивать, ломая. Так и с театром, так и с культурой вообще. Ломать надо отжившее — да, но не фундамент. И не забывать, что это мы с вами должны воспитывать наших детей, все вместе: дом, семья, школа, театр, музыка, литература. Это мы отвечаем за духовный рост поколения. И там, где недорабатываем мы, приходится за нас работать таким, как Борис Михайлович.

Театру требуется сегодня более властно вмешиваться в духовную жизнь молодого поколения: В наших жилах, в жилах наших детей и внуков — та же кровь, что питала Александра Ярославича Невского, Михаила Илларионовича Кутузова, Георгия Константиновича Жукова. А вот, интересно, в военкоматах, когда ставят на воинский учет, задают призывникам вопрос «на засыпку»: знают ли они, как звать-величать наших великих полководцев? Должны же мы быть иванами, помнящими родство! И если ребята не знают — пусть их присылают в наш театр. Мы подскажем. Научим. Учить — это высочайшее предназначение Театра.

Никита ВАСИЛЬЕВ

Игорь ФРОЛОВ:

ПРИГЛАШЕНИЕ К МУЗЫКЕ

Поводом для этой встречи стали письма, поступившие в редакцию после публикации статьи Э. Михайлова «Музы на поверке». Некоторые наши читатели, углядев в ней упрек в адрес исполнителей так называемой серьезной музыки, редко выступающих перед войнами, написали, что вообще не видят необходимости в таких концертах. Потому-де, что солдаты, как и вся наша молодежь, «выросли на современных ритмах» и их «не затронут ни Моцарт, ни Вивальди». Распространенное нынче прямое противопоставление классических мелодий современным ритмам нам представляется совершенно необъяснимым: почему лишь «или-или», а не «и»? Поэтому мы решили пойти навстречу тем из авторов писем, которые, хотя и ориентируются только на эстраду, все же не столь ортодоксальны в своих суждениях и просят организовать встречу с «популярным артистом филармонического плана»: он «мог бы рассказать о своем опыте, радостном или печальном, о том, как у него самого проходили встречи с войнами».

И редакция поручила своему штатному корреспонденту Е. Наденинскому побеседовать со скрипачом и композитором заслуженным артистом РСФСР Игорем ФРОЛОВЫМ.

— Давайте начнем с того, — говорит Игорь Александрович, — что традиция выступлений мастеров музыкального искусства в войсках имеет богатую историю. Еще в пору становления Рабоче-Крестьянской Красной Армии замечательный скрипач Михаил Эрденко не только часто сам выступал перед бойцами, но и организовал концертную бригаду из преподавателей консерватории, которая регулярно — подчеркиваю это — концертничала в частях. Пианист Абрам Дьяков, объединив вокруг себя консерваторскую комсомолию, выезжал для обслуживания красноармейцев в такие дальние места, где гражданского костюма, не только концертного фрака, годами не видели. Это тот самый Дьяков, который в первые же дни войны вступил в народное ополчение и героически погиб, защищая Москву. Кстати, ведь именно в те трудные и славные дни культурное шефство деятелей искусств над воинами приобрело совершенно невиданный размах. Кинохроника тех лет сохранила кадры: Эмиль Гилельс играет прелюдию Рахманинова прямо на поле аэродрома, перед летчиками, которым через несколько минут предстоит боевой вылет, — и какая же сосредоточенность, какое проникновение в музыку написаны на лицах этих мужественных людей!

Мой учитель Давид Федорович Ойстрах в годы войны тоже не раз выступал перед бойцами действующей армии. Он часто вспоминал концерты в блокадном Ленинграде, когда в зале сидели люди в шинелях: отличившимся в боях в качестве поощрения командование выдавало... билет в филармонию! Давайте на минуту остановимся и обдумаем этот факт: мне кажется, и сегодняшних командиров раздумье над ним может привести к интересным выводам...

— Вот здесь-то, Игорь Александрович, и «закавыка», как принято говорить. Авторы писем, с которыми мы с вами полемизируем, не пытаются снизить значения воздействия серьезной музыки. Они лишь утверждают, что современный воин в отличие от своих предшественников, возросших на народной песне, чуть не с рождения слышит в эфире и на концертной эстраде то, что называют «молодежной», «современной» и т. п. музыкой, и не способен, вроде того, воспринять классику.

— Простите, но такому тезису сопротивляется весь мой жизненный и концертный опыт!

Я согласен с моим собеседником. Скажем, первая зарубежная поездка Игоря Фролова, тогда студента Московской консерватории, состоялась именно по линии культурного шефства. С группой молодых певцов, артистов балета скрипач выступал в частях Северной группы войск. Популярная классика — «Мелодия» Глюка, Венгерские танцы Брамса, пьесы Крейсlera,

Чайковского, Прокофьева — находила путь к сердцам слушателей.

— Артисты часто рассказывают о доброжелательности армейской аудитории, забывая при этом отметить ее требовательность. Если ей что-то не понравится — это сразу почувствуешь: молодые, бесхитростные люди, они и за вежливыми аплодисментами не скроют своего истинного отношения. Зато уж если что пришлось по душе — тоже сразу дадут понять. И кстати, мне не раз приходилось выступать перед воинами братских армий социалистических стран — там та же особенность.

Много Игорь Фролов играл для кубинских воинов. Сразу после окончания консерваторского курса он был отправлен на остров Свободы для оказания помощи молодой республике в постановке музыкального образования трудящихся. Человек любознательный, контактный, Игорь легко расположил к себе темпераментных, очень музыкальных кубинцев.

— Мне посчастливилось подружиться с команданте Хуаном Альмейдой Боске. Это верный соратник Фиделя Кастро с первых шагов революционного движения. Но кубинцы знают Боске еще и как одаренного композитора. С обработок произведений Боске я, собственно, и начал свою композиторскую деятельность. Вместе с ним самим мы выезжали в части революционной армии, «солдатский телеграф» всегда опережал нас, и всюду публика требовала сыграть мелодии команданте.

Дружба наша не угасла со временем. Недавно по приглашению Хуана Альмейды я снова посетил Кубу и вернулся с новыми его сочинениями, которые начал обрабатывать.

У Игоря Фролова немало почетных званий: он лауреат международных конкурсов, заслуженный артист. Но вот удостоверение в том, что он — отличник культурного шефства над Вооруженными Силами, музыкант демонстрирует мне с какой-то особой торжественностью. Он действительно заслужил, «завоевал» его, как говорит сам Фролов, десятками концертов. Солдаты и офицеры Московского военного округа не раз слышали теплое звучание его скрипки: артист выносит на их суд и уже апробированный репертуар, и новые программы, а с недавнего времени и свои скрипичные пьесы. И еще ни разу не было, чтобы слушатели остались безучастными: мастерство музыканта, его педагогический дар (хорошо владея словом, артист увлекает аудиторию рассказами о любимом инструменте, о композиторах, создававших то или иное произведение, учит в звуках музыки улавливать художественный образ, настроение) — все это, вместе взятое, создает тесный контакт со слушателями.

Фролова знают солдаты на БАМе, пограничники на Амуре,

Только за время фестиваля «Амурское пограничье» он дал двадцать концертов на заставах. И вот что интересно: после каждого кто-нибудь да подходил поделиться таким открытием: «А я и не знал, что классика так интересна!»

— Конечно, интересна! То, что молодые ребята не знают классическую музыку, не вина, а беда их. Многие тут зависят от нас, исполнителей. К сожалению, нередко еще бывает, что артист — из самых лучших побуждений! — выходит на неподготовленную аудиторию и обрушивает на нее глыбы крупных, сложных сочинений. А представьте себе, что будет, если человеку, едва научившемуся складывать буквы, дадут читать Достоевского или Бальзака! Он же тоже ничего не поймет, и можно считать, что настоящая литература будет для него навсегда потеряна. Так и в музыке.

Не очень давно пришлось мне играть на Челябинском тракторном заводе, прямо в цехах, во время перерыва. Слушатели — молодежь. Они могли пойти в столовую, в бильярдную, а пошли на концерт. И им было интересно, потому что на ЧТЗ системно относятся к освоению молодыми рабочими серьезной музыки. И они просили уже сыграть не только «Полонез» Огиньского, а пьесы Шуберта, что-нибудь из Моцарта.

Музыкант обязан быть просветителем. Значит, не только играть мастерски, это само собою, но и уметь увлечь аудиторию своим рассказом, учитывающим подготовку слушателей, — слово в сочетании с музыкой обладает огромной силой воздействия.

Мне не раз приходилось перед концертами в частях выслушивать осторожную просьбу командиров: «Вы уж что-нибудь попроще для наших...» Особенно на кораблях: там сплошь и рядом приходилось играть вообще без сопровождения, да еще сидя, чтобы — с моим-то ростом — не стучать смычком о подволоку, как у них потолок называется. И что же? Великолепно слушали скрипку соло, в том числе и сложнейшую «Чакону» Баха: моим помощником опять-таки было слово. Кто-то из молодых моряков остроумно назвал мое выступление «концерт для скрипки с разговором».

Сейчас много говорят о перестройке во всех сферах. «Красная звезда» справедливо поставила вопрос о ней и в области культурного шефства. Воспитать гармонически развитую личность (а именно такими каждый из нас хочет видеть защитников Родины) эпизодическими наездами по красным дням календаря невозможно. Нужна четкая система музыкально-эстетического воспитания, нужна просветительская увлеченность исполнителей — и тогда большая Музыка перестанет быть для молодежи книгой за семью печатями.

А чтобы эти рассуждения не выглядели маниловщиной, есть у меня совершенно конкретное предложение. Пусть каждый солист (а только у нас в Москонцерте, в филармоническом отделе, их около ста) возьмет шефство над конкретной воинской частью. И не нужно больших залов: ленинская комната, кубрик, дворик заставы — этого достаточно, это тоже широкое поле деятельности. И от простого к сложному, регулярно, от музыкального «ликбеза» до высших сфер музыкальной литературы! Я готов заключить такой творческий союз, был бы спрос из армейских недр. И мои коллеги, уверен, тоже.

Я бы хотел, чтобы это предложение стало предметом обсуждения на Центральной комиссии по культурному шефству над войсками, здесь нужна определенная организационная работа. Но результат стоит самых больших усилий.

Евгений НАДИНСКИЙ

Юрий НИКУЛИН:

НАША ОБЩАЯ ЗАБОТА

ВРЕМЯ у народного артиста СССР Юрия Владимировича Никулина расписано не то что по часам — по минутам. Но, узнав, что я выполняю просьбу читателей «Красной звезды», он тут же согласился на встречу:

— Какой может быть разговор! Во-первых, я эту газету люблю еще с фронтовых лет. Во-вторых, как я понимаю, разговор будет об армии. А это волнует всех.

— Как служил, рассказывать не буду, — начал беседу Юрий Владимирович. — В свое время я подробно писал об этом в книге «Почти серьезно...», отрывки из рукописи которой публиковались и в «Красной звезде». А вот сколько служил — напомним. Призван я был 18 ноября 1939 года. Да после окончания войны еще год служил. Семь долгих лет... Так, кстати, называется глава моей книги; она вышла уже третьим изданием. Там есть и новые главы, одна из них — о фильме «20 дней без войны», в котором я сыграл роль военного журналиста майора Лопатина. Недавно фильм прошел по телевидению — и сразу вспомнилось, как в Ташкенте, Ленинграде, Калининграде мы работали над этой картиной. Всюду нам помогали воины; командование гарнизонов и солдаты, снимавшиеся в массовках, и, если бы не их помощь, режиссеру Алексею Герману не удалось бы сделать картину столь правдиво.

А мы, участники съемок, старались в свободные минуты пообщаться с воинами, чем-то поделиться с ними, что-то «подсмотреть» для себя.

Во время съемок я часто встречался с Константином Михайловичем Симоновым. Симонов был прекрасным рассказчиком. От него я много узнал о героях войны, о военачальниках, с которыми он дружил. Ну и, конечно, о созданном им образе

Лопатина. Это сложный, интересный характер. Писатель, военный журналист, образованный и мужественный человек, имеющий боевые награды, по духу — русский интеллигент. Я ведь долго сомневался: смогу ли его сыграть, получится ли он у меня.

— **Юрий Владимирович, а сейчас вы встречаетесь с теми, кто служит в армии?**

— Встречаюсь, и относительно часто. Да к тому же дети многих моих друзей проходят срочную службу. С некоторыми у меня постоянная переписка. Я стараюсь поддерживать дух молодых воинов, даю советы, как преодолевать трудности. Самое главное, говорю я, уметь чуть иронично относиться к собственной персоне. И всегда стараться как можно большему научиться. Научиться жить в коллективе, научиться помогать друг другу, развивать себя физически и обязательно уметь писать хорошие письма.

Когда я в армии служил, получал, пожалуй, больше всех в части писем. Они мне очень помогали. Говорят, не везде сейчас солдатам разрешают хранить письма из дома в тумбочках. Это зря. Письма обязательно надо хранить, это же своеобразные документы времени. Может, тогда стоит их родителям отправлять — они же обязательно сохраняют их. Ведь письма — это связь с малой родиной, которая помогает понять Родину большую.

— **Юрий Владимирович! Молодые артисты цирка уходят на срочную службу, на два года отрываются от своей профессии. Наверное, не просто им потом восстановить профессиональные навыки?**

— Пока мир существует таким, каков он есть, служба в армии необходима. И вряд ли уместно говорить об исключениях для артистической молодежи. Конечно, есть какие-то возможности у тех, кто служит в ансамблях песни и пляски, можно поддерживать форму, участвуя в художественной самодеятельности. Сложнее, скажем, дрессировщикам: кого они, простите, дрессировать будут? Хотя и тут нам часто идут навстречу, и некоторые артисты служат в отдельном кавалерийском полку.

Профессия артиста — своеобразная «зона повышенного риска». Ведь какие подчас бывают случаи? Есть у нас замечательный жонглер Григорий Попович, лауреат нескольких международных конкурсов. Он отлично служил, но как-то повредил палец. Пришлось в госпитале делать операцию, она прошла не очень удачно: палец стал хуже двигаться. Для обычного человека это не страшно. Для жонглера: грозит потерей профессии.

Спасли Григория для цирка военные хирурги. Все сделали, все восстановили. Я об этом почему рассказываю? Может, стоит все же к тем, кто занимается творчеством, отнестись чуточку по-особому. По-хозяйски, что ли... Опыт Великой Отечественной войны дает множество примеров именно такого бережного отношения к таланту, стремления использовать его в армии по прямому назначению. Ведь если артист будет служить или в ансамбле, или при клубе руководителем художественной самодеятельности и будет иметь возможность выступать,— он принесет радость тысячам воинов.

Вот призван был недавно в армию Геннадий Киль. Уникальный артист. Окончив цирковое училище, он успел покорить публику в Париже, и, хотя я против всяких исключений, мы обратились с просьбой дать Геннадию небольшую отсрочку от призыва: предстояли гастроли в ФРГ. Прошли они блестяще. Кончилась отсрочка. Артиста ждал в свои ряды Ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа. Но судьба распорядилась иначе. Киль оказался за тысячи километров от ансамбля, в части, где вряд ли будут условия для поддержания хотя бы мало-мальски приличной формы. Парень он скромный, работающий, солдат из него, я уверен, получится хороший, но, скажите, рационально ли, по-хозяйски ли так использовать его талант?

Мы, фронтовики, хорошо помним приезжавшие к нам на позиции актерские бригады. В том числе и те, что создавались всеми правдами, а, что греха таить, порой и неправдами при политотделах и Домах офицеров фронтов, армий, иной раз и дивизий. Приезды таких бригад поднимали наш дух. Но ведь это нужно и сейчас, в мирные дни!

— **Как строились отношения между молодыми и старослужащими красноармейцами в ваше время?**

— Бывало, подсмеивались над нами, неумехами. Но то была добрая ирония. Нас, первогодков, «старички» оберегали, учили. А мы старались быть похожими на них.

Розыгрыши, конечно, были. Задается вопрос, например: «Кто хочет «Чапаева» посмотреть?» Ну я и еще несколько бойцов выскочили: мы, мол. Старшине доложили: есть желающие. Он нас и повел... на кухню! На следующий день шутка повторяется: «Любители балета есть? «Лебединое озеро» будет!» Я помалкиваю, а мой приятель Коля Борисов (которому утром, не моргнув глазом, я заявил, что не только «Чапаева» смотрел, но еще и два киножурнала) быстренько вперед! Ну и еще с тремя «любителями балета» помы в казарме мыл.

Но никогда не было, чтобы старослужащий унижил достоинство молодого. Наоборот, они горой стояли за нас, уж скорее

вину неопытного на себя примут, чем обидят. Это мерзко, если старослужащий унижает новичка. Я знаю, что в армейских и флотских коллективах ведется непримиримая борьба с теми, кто позволяет себе не считаться ни с общечеловеческими принципами морали, ни с уставными нормами взаимоотношений. И это правильно.

— Сейчас можно порой услышать, что служба в армии — это, мол, «потерянные годы»! Что вы скажете по этому поводу?

— Только то, что с этой позицией не согласен. Впрочем, могу и подробнее. Все зависит от человека. От умения даже в экстремальных ситуациях оставаться самим собой.

Как старый солдат, могу поделиться несколькими правилами. Всегда помни о тех, кто рядом, и старайся быть им полезным и нужным. Никогда не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтоб делали тебе. Всегда старайся чему-то научиться полезному, бери лучшее от тех, кто тебя окружает. Не жди от других честности, искренности, требовательности к себе, если ты не проявляешь их сам.

Я знаю: того же хотят от вас и командиры. И если бы я был, скажем, замполитом — именно об этом постоянно говорил бы подчиненным.

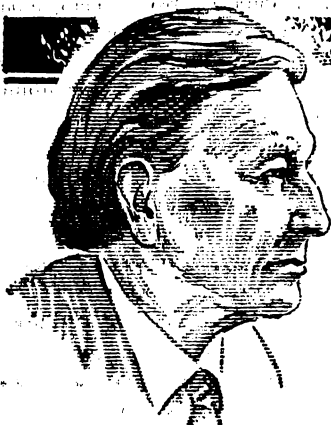
О чем мечтает каждый отец, провожая сына в армию? Чтобы сын вернулся крепким, сильным, понимающим мужскую дружбу; умеющим любить и уважать женщину, проявляющим доброту к родителям, к старшим; получившим не только физическое, но и духовное развитие. За два года много можно сделать хорошего для человека. Как это лучше сделать? Есть командиры, политработники, имеющие богатый педагогический опыт. Но тут и мы, работники искусства, должны больше уделять внимания армии. Какие фильмы показывают солдату? Какие книги стоят на полках полковых библиотек? Знаю, иногда для «заполнения зала» на непопулярные спектакли приглашают солдат, а потом рапортуют о шефском «мероприятии».

Истинное шефство над воинами ничего общего с такими «мероприятиями» не имеет. Воинам мы должны дать самое лучшее из того, что есть у нас. То, что помогает формировать характер, мировоззрение, личность.

Армия — наша общая забота. Ей очень нужно наше внимание. Добрый совет. Деловая помощь. И на старых своих солдат она всегда может рассчитывать.

Владимир ШАХИДЖАЯН

Михаил ДУДИН:

ДА, Я СОЛДАТ

ТОНКИЙ лирик, глубокий философ, страстный публицист, неутомимый общественный деятель, борец за мир... Это все о Михаиле Александровиче Дудине. Из статей о нем, отзывов товарищей по писательскому цеху, однополчан-гангутцев, ленинградцев, с которыми я разговаривал о поэте и его творчестве.

Сам же Дудин считает себя просто солдатом:

Да, я солдат. Я возводил мосты.

Душа — в рубцах, и на руках короста,

Возвышенные истины просты,

Да только их осуществлять не просто.

Тем не менее с 1939 года, когда был призван на действительную, и до сих пор все идет боец Дудин по дороге жизни, осуществляя те «возвышенные истины». Начинал с первого шага в полковой школе. Именно тогда ему выпало жестокое испытание боем. В то утро командир выстроил личный состав на плацу и объявил:

— В трудный для Родины час добровольно желающие грудью стать на защиту завоеваний революции... двадцать шагов вперед!

На какое-то мгновение плац захлестнула тишина, вспоминал в свое время земляк и однополчанин Дудина Владимир Жуков. Как в ночной солдатской казарме, стало слышно человеческое дыхание... Левее третьей пулеметной роты, на самом фланге, взад-вперед покачнулся тесный квадратик артиллеристов, и видно было, как вместе с другими размашисто шагнул тощий и высокий никогда не унывающий разведчик батареи Михаил Дудин.

Его первая награда в жизни — медаль «За отвагу». Потом будут ордена Ленина и другие ордена и медали, но эта останется особой. Почему?

— Когда начинаешь жить большой целью, прежде всего очень важно определить свои качества. Я знал, что трудолюбив, никакая работа меня не сломит, ни разу не встречал среди ивановских лодырей и вообще людей, у которых руки ни к чему не приложены. А вот насколько годен для боя за счастье людей, за правду, справедливость, это всегда вопрос. Сколько живу, столько и делаю те двадцать шагов вперед. Может, теперь когда-нибудь и поостерегся бы, сделал поменьше, да перед памятью стыдно. Перед первой своей медалью, ведь она как эталон совести...

— Михаил Александрович, фронтовики неизменно в разговоре о вас вспоминают стихотворение «Соловьи». Знаю, что оно вошло в антологию лучшей фронтовой лирики. В то же время ленинградские поэты, в частности Реза Халид, рассказывали, что далось оно вам не просто. Не в смысле написания...

— У поэта стихи — это поступки. Их потенциал измеряется не напряжением огарка свечи. Если помните, «Соловьи» заканчиваются такой мыслью:

Я славлю смерть во имя нашей жизни.

О мертвых мы поговорим потом.

И на следующий день после опубликования этих строк в газете 23-й армии «Знамя победы» и еще долго после войны пришлось за эту мысль прямо-таки сражаться. Кое-кто никак не хотел принять нашу солдатскую убежденность в необходимости самопожертвования, если это в конечном счете послужит победе справедливого дела. Разве не поддержкой моим «Соловьям» стали поступки наших парней на земле Афганистана? Или действия героев Чернобыля?..

Кто-то метко сказал, что стихи по масштабу отличаются от факта на величину души художника. У настоящего мастера она неохватна. Вот у Дудина

Сердце сердцем люди слышат,

Сердце сердцем берегут.

И я спрашиваю Михаила Александровича, когда и как стал он поэтом.

— Стихи пришли ко мне на войне. И с тех пор Поэзия стала моей судьбой, моей школой мужества. Где это было? Наверное, невозможно обозначить такую точку. Может быть, еще в полковой школе, может быть, позже, на полуострове Гангут, на Ханко, который, находясь на 450 километров западнее осажденного фашистами Ленинграда, не дрогнул, не познал отступления...

Многие, многие стихи поэта посвящены гангутцам, многие — блокадному Ленинграду, где Дудин был после Ханко. Не только в стихах, но и в боевой публицистике рассказывает он о мужестве и стойкости защитников города Ленина. О них — его сочное разговорное слово в кругу однополчан, нынешних воинов. И вот уже встает перед тобой, словно живой, образ гангутца Владимира Массальского, который на празднике Победы в сорок пятом поднимает на руки маленькую девочку, а она прижимается к его исполосованному шрамами лицу, играет его Золотой Звездой Героя. И Александр Никольский встает перед тобой — архитектор, создающий в самом трудном сорок втором в подвале Эрмитажа проекты триумфальных арок...

— Я вспоминаю это, — говорит Михаил Александрович, — и слезы подступают к моим глазам. Нельзя такое забывать. Я всегда вспоминаю о Никольском, когда попадаю на Кировский стадион, построенный по его проекту, и мне это воспоминание не мешает следить за игрой «Зенита», и, если бы зенитовцы всегда помнили, по чьему проекту построен стадион, ей-богу, они играли бы намного лучше...

Поэт уже улыбается. Становится моложе. Словно возвращается в тревожную юность...

«...Общительный парень с хваткой мастерового, умеющего вырыть окоп, соорудить землянку, запаять пробитый пулей котелок. И такой неунывающий, с прибаутками, что стали поговаривать: мол, Дудин заговорен от пули». Это вспоминает бывший начальник артиллерии 335-го стрелкового полка И. Бондаренко о Дудине в 25 лет. «О чем бы ни заходил разговор, у него всегда в запасе веселый каламбур, добрая шутка. Тут же может нарисовать на тебя шарж и так изукрасит, так подденет, что не рассмеяться нельзя». Это о Дудине в семьдесят лет говорит заслуженный артист РСФСР В. Харитонов, художественный руководитель ленинградского государственного театра миниатюр «Эксперимент». Он знает об этом качестве Михаила Александровича не понаслышке: Дудин — «крестный отец» этого театра.

— Помню, — улыбнулся Дудин, — в день открытия театра забрался я на стол и написал им на стене поздравление: «Внимание! Начинается торжественный момент: сегодня открывается театр «Эксперимент». Торжественней момента сегодня не найдешь, а без эксперимента в наш век не проживешь»...

Пережитое — богатство Дудина, связывающее писателя с людьми. В его квартире с утра неумолчно звонит телефон. Возле письменного стола — неизменный бумажный мешок. В нем письма с самыми невероятными обратными адресами — из всех уголков страны, из многих стран мира — сотни и сотни писем.

— Это от друзей и читателей. Часть моей работы — переписка с ними. Вторая часть — общественные дела в Союзе писателей, в котором я с 1942 года, и в Комитете защиты мира — вот уже более пятнадцати лет...

— А когда же главное — стихи?

— Всегда. Стихи — жизнь. Они складываются из встреч и разговоров с людьми, из размышлений, когда я один. Когда иду или еду в метро...

— Мне рассказывали, что, узнавая вас на улице идущим с самодельной тростью, ленинградцы не подходят, только издали здороваются, знают, что и на ходу вы... работаете над стихами.

— Но тем не менее всегда рад хоть чем-то помочь другим, посоветовать, поддержать. Мы все ведь в этом нуждаемся.

Однажды поздно вечером к Михаилу Александровичу постучали. Открывается дверь. На пороге молодой офицер:

— Помогите. Я с Севера. С женой плохо, ждем ребенка. А ни в одной больнице ее не берут, нет ленинградской прописки.

— Какая самая близкая от вас больница? — был вопрос. И, узнав по телефону фамилию главврача, Дудин написал такую записку: «Уважаемый имярек! Я бы сам принял роды, да не знаю, как это делается. Дудин».

В семье той растет прекрасный малыш.

В 1965 году поэт Михаил Дудин обратился к ленинградской молодежи с призывом создать по многокилометровой линии обороны города Зеленый пояс Славы. Идея хорошая, и у нее сразу нашлось немало сторонников. Но были и противники: дескать, зачем так много суеты, напоминаний о горе и людских страданиях, лучше обратить энтузиазм на что-то другое. Как же много пришлось отдать сил и времени, чтобы объединить ветеранов, а с ними и молодежь, чтобы заложить-таки пояс Славы в память о несгибаемых защитниках города. Здесь проработали безвозмездно более миллиона часов тысячи людей. Воздвигнуты десятки памятников, обелисков и памятных стел. Но главное — в сердцах людей оживала память, наполняла их души благодарностью к тем, кто Родину оберег, кто верностью высоким идеалам дал неизгладимый урок. Об этом у Дудина написаны книги стихов, за которые удостоен он премий и званий, — «Время», «Седое сердце», «Дерево для аиста», «Полярный круг», «Западный берег», «Забятая тетрадь».

Через некоторое время после того, как Зеленый пояс Славы обрел черты государственной важности патриотического дела, Михаил Александрович идет дальше. Он поднимает общественность на строительство памятника героям обороны Ленинграда.

— Пожертвования действительно хлынули лавиной, — продолжает свой рассказ поэт. — В Госбанке открыли счет. Его вскоре узнала вся страна. И монумент на площади Победы был воздвигнут довольно быстро. И вот уже действует Гангутский мемориал — тоже нелегкое дело. Сейчас объединили, разыскав в Ленинграде и по стране 1858 участников боев на Ханко. Экая силища!

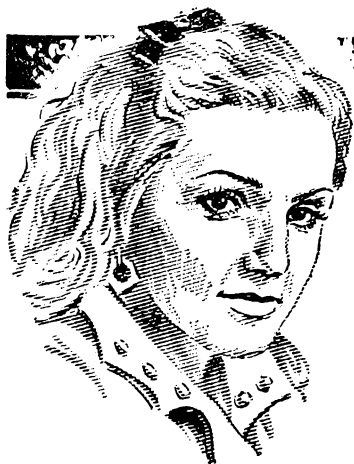
Радуюсь и тому, что у моего давнишнего друга Семена Гейченко, бессменного директора музея-заповедника Пушкина, дела обстоят хорошо. Без Михайловского я тоже жить не могу. Там наша совесть...

Нет, Дудин никогда не присоединится к позиции типа: поэт должен жить, экономя талант «на нечто большое». А боец-общественник, солдат найдется, мол, и без него.

— Так не найдется же! Если поэт не станет у Времени на часах.

Олег НИКОЛОВ

Надежда ЧЕПРАГА:

ДОБРОЕ ТАИНСТВО ПЕСНИ

ПОСЛЕ концерта в одной из частей Южной группы войск мы сидим с артисткой в маленькой комнатке за сценой. Надежда Чепрага часто дышит, поминутно прикладывая платочек к разгоряченному лицу. В ответ на мой сочувственный взгляд поясняет:

— Я так работаю всегда. И вообще не понимаю тех артистов, которые уходят со сцены «сухими», поют без волнения, без отдачи. Нет уж: вышел на сцену — покажи все, на что ты способен, искусство не делается холодным сердцем. Зритель это чувствует и соответственно относится к тебе.

— **Надежда Алексеевна, расскажите, пожалуйста, о вашем пути в искусство.**

— Прежде чем начинается биография творческая, у каждого из нас идет обычная, «земная» жизнь. Село Распоены, где я родилась, даже у нас в Молдавии считается одним из самых певучих. Я росла в окружении народной музыки. Звонко пели мои односельчане, встречая приход весны и по осени, когда кипели свадьбы, шумели праздники урожая. Мы, маленькие, невольно втягивались в этот ритм всенародного веселья и сами что-то напевали ломкими голосами.

Мой дебют состоялся в лесу, на дружинном сборе у пионерского костра. После моего номера подошел ко мне наш школьный учитель Петр Селиверстович Жемна: «Надя, ты можешь стать хорошей певицей, я хочу с тобой позаниматься». Мои родители не возражали и не удивлялись: у нас полсела поет хорошо. Но об артистическом моем будущем всерьез и не дума-

ли. Ведь если все пойдут в «артистки», кто будет землю пахать, хлеб сеять, виноград растить? Тем не менее я стала солисткой школьного ансамбля «Думбрэвица», ездила в район на смотры самодеятельности, даже призы завоевывала.

Но когда окончила школу, папа твердо сказал: «Поезжай-ка ты, дочка, в Бельцы, в пединститут. Будешь детишек в родном селе учить». Что было делать? Отцу перечить не хотелось, а песня, музыкальная стихия уже затянули меня. Пришлось, каюсь, пойти на обман. Дома сказала, что в институт не прошла, а сама поехала в Кишинев — поступать в музыкальное училище. Поступила. Но вот учиться было очень тяжело: я привыкла к свободной, импровизационной манере исполнения, характерной для молдавского народного пения, а здесь жесткие каноны, «высшая математика» вокала. Временами хотелось все бросить, уехать куда глаза глядят. Но... С детства была упрямой. Так, на упрямстве, училище и окончила.

Это потом уже было все — парижский зал «Олимпия», Всемирные фестивалы молодежи и студентов в Берлине и Гаване, Сопот, фестивалы и музыкальные праздники в нашей стране. А сначала... Сначала была народная песня.

Большую роль в моей творческой судьбе сыграла встреча с искусством Евгения Доги. Увидев меня на телеэкране в музыкальной передаче «Карусель», он подарил мне несколько песен — и каких: «Веселая свадьба», «Струны гитары», «Весна-ровесница», «Мне приснился шум дождя», «Человеческий голос»!.. Конечно, я много пою и других композиторов — Пахмутову, Паулса, Мажукова, Амирханяна, но песни Доги помогли мне найти, что называется, «свой голос».

— **Говорят, творческая «кухня» артиста — тайна за семью печатями. Но тайна всегда и волнует. И я думаю, не только мне было бы интересно проникнуть в вашу творческую лабораторию.**

— А как же быть с этим? — певица лукаво показывает на окно, за которым виднеется плакат: «Воин! Строго храни военную и государственную тайну». — Ну, да ладно, мои тайны не нуждаются в столь бдительной охране. «Тайна» — название одной из моих песен, где рассказывается, что тайна — это музыка. А в ней — солнце, трава, деревья. Друзья, единомышленники... Мои же певческие секреты — постоянная, упорная, хотя и увлекательная, работа.

Во взглядах на искусство я не претендую на оригинальность: основа моего творчества — народная музыка. Главное в молдавском мелосе — упругий ритм и напевность. А также — высокий и ясный смысл. Искусство это глубинное. Оно вечно, как природа. А природу я очень люблю. Любимое дерево — дуб. Его сажают у нас, когда рождается ребенок. И чем ветвист-

те, раскидистой вырастет дерево, тем, считается, интересней, удачливей будет судьба человека. Глубоко врастают в землю корни дуба. Так и корни песни лежат в сокровенных пластах народного творчества. И нельзя их порушить без того, чтобы не закручинилось, не засохло древо искусства.

Растет в Распопенах дуб, посаженный в день моего рождения. Как вернусь из поездки — подойду к нему, прижмусь щекой и говорю: «Здравствуй!» И слышу: звенит в его стволе дивная музыка. Впрочем, это уже из области сказки...

— А как вы оцениваете те процессы, которые происходят на современной эстраде?

— Вопрос очень непростой. Но отвечать на такие вопросы сегодня надо. И отвечать честно. Состояние современной профессиональной и самодетельной эстрады определяется трудом тех артистов, которые несут в массы необходимый, соответствующий непростой нашей эпохе идейный заряд, проповедуют добро, братство людей, любовь к родине своей малой и к большой нашей Родине. Об этом высоком предназначении — быть не просто развлекателем, а воспитателем своих слушателей — артист должен помнить постоянно.

Я уже сказала: песня подобна дереву. Со своими корнями и листьями. Обидно, когда кто-то, набрав листьев, опавших с чужого дерева, осыпает ими публику, а листья эти что-то невнятное шуршат. И с целью сие невнятное шуршание как-то усилить в ход пускают антураж: дым, огонь, грохот. Не искусство, а бой со зрителем!

Шутки в сторону. Рок-музыка — не просто развлечение для молодежи, и оно вовсе не безобидно. Явно из чужого идеологического арсенала. Убеждена в этом, хотя я не люблю быть категоричной.

Никакими декретами или запретами дела здесь, конечно, не решить. Но исполнителей модного направления надо более строго отбирать, прежде чем дать им «путевку» на эстраду. Пока уж больно все легко у них получается: умеешь взять несколько аккордов на электрооргане — уже композитор, прохрипел в микрофон нечто малоосмысленное — уже певец!

— Надежда Алексеевна, какие качества больше всего цените в своих коллегах-артистах? В частности, в ваших товарищах из группы «Плай» — вы давно с ней работаете?

— Есть такое качество — безотказность. Актерам оно нужно не в меньшей степени, чем военным. Безотказность — в смысле умения пожертвовать личным ради дела. Приведу пример с той же группой «Плай». До нынешних наших зрителей — солдат и офицеров Южной группы войск — мы добирались, так уж сложились обстоятельства, трудно. Сутки не

спали вообще. Могли бы в день приезда и отдохнуть, не так ли? Но нас ждали. И мы решили работать, хотя я, честно скажу, чувствовала себя нездоровой. Маленький, частный пример, но те, кому приходилось во исполнение долга забывать о собственных удобствах и недомоганиях, меня поймут.

С ансамблем «Плай» я работаю уже около трех лет. Наш совместный московский дебют прошел, кстати, на подмостках редакционного клуба «Красной звезды». Незадолго до этого у вас был напечатан очерк о Епистинии Степановой, матери девяти сыновей, погибших на полях Великой Отечественной. Мы тогда показали краснозвездцам песню о ней: «Материнская роща».

— Можно предложить вам нескромный вопрос: о чем вы мечтаете?

— Мечты у человека не стоят, если можно так выразиться, на месте, одна сменяет другую, уже исполнившуюся. Мечтаю хорошо выступить на гастролях. Мечтаю, чтобы получился интересным фильм «Надежда» с моим участием на Центральном телевидении. Мечтаю, чтобы нам с ансамблем «Плай» удался театрализованный музыкальный спектакль «Для вас»...

Это мечты близкие. А дальняя... Ведь когда-то же и мне придется, как говорят спортсмены, перейти на «тренерскую» работу. Хочется, очень хочется создать фольклорный ансамбль, своеобразный театр народной песни. Вот это — самая большая мечта.

— Что бы вы пожелали, Надежда Алексеевна, вашим зрителям — воинам?

— Прежде всего — неиссякаемого оптимизма. Зроровья. Хорошей, радостной любви. Счастья. А тем, кто тянется к музыке, к песне, хочу сказать: относитесь к этому серьезно. Определите для себя, какое искусство «строить и жить помогает», а от какого надо отрешиться. Мы живем в большой и красивой стране, и нам незачем шапку ломать перед теми, кто использует музыку не для радости, не для дружбы, а для того, чтобы разъединять людей, воспитывать в них низменные инстинкты. Хорошая, корневая — можно так сказать? — наша советская песня пусть всегда будет с вами. В горе и радости. Только пусть горя будет как можно меньше, а радости — как можно больше!

Владимир КОСТЕО

Вячеслав
КОНДРАТЬЕВ:

ГОВОРЮ О СВОЕМ ПОКОЛЕНИИ

ДУМАЕТСЯ, нет нужды представлять Вячеслава Кондратьева. Его книги «Сашка», «Селижаровский тракт», «На поле Овсянниковском» пользуются у читателей большим успехом. Все творчество писателя посвящено поколению, которое навсегда «помечено» фронтовой юностью. С воспоминаний об армейской службе, боевом прошлом и началась наша беседа с Вячеславом Леонидовичем.

— В тридцать девятом году был объявлен ворошиловский призыв, и нас, студентов Архитектурного института, вызвали в военкомат. А через месяц наш воинский эшелон направлялся на Дальний Восток.

Поразила тогда дорога. До армии, кроме Москвы, столичных окрестностей и Ленинграда, я ничего не видел. А тут вдруг вся Россия открылась. Это было, конечно, интересно. Помню, когда поезд остановился у Байкала, один смельчак не удержался и рискнул искупаться. «Когда еще попаду на Байкал», — смеялся он,

Службу я начинал в железнодорожных войсках. Всех, кто за плечами имел десятилетку, сразу направили в полковую школу. Общевоинскую подготовку давали там серьезно. Нас учили, кроме эксплуатации железных дорог, стрельбе, тактике, рукопашному бою. Учебный день нередко длился по двенадцать часов. Ходили мы и в ночные походы. Словом, крутились всюю.

И так почти полгода. А потом — назначение на путевую точку. Был командиром отделения.

— А в армию уходили с каким настроением? Не жалко было расставаться с институтом?

— Призыв в армию, естественно, расстроил все мои планы. Но где-то внутри сидело у меня такое чувство, что служба просто необходима, что надо пройти солдатскую школу.

Это чувствовал, видимо, не я один. Еще в военкомате я познакомился со студентом Литинститута поэтом Ильей Лапшиным. Он вообще уходил в армию с таким настроением, будто отпраплялся в творческую командировку.

— Ваша первая книга «Сашка» вышла только в 1981 году. Почему вы так поздно обратились к литературе?

— Многие из моих сверстников, кто как-то любил литературу, давно хотели рассказать о войне. Видимо, потому, что понимали: это было самым главным в жизни нашего поколения. После демобилизации я даже повертелся одно время около Литинститута, но поступать почему-то не решился, хотя показать приемной комиссии было что. Остановило меня, наверное, несоответствие между тем, что писалось о фронте в войну и что видел на передовой я лично.

Надо было устраивать свою жизнь. Поступил в полиграфический институт, занялся художническим трудом, много работал в промышленной графике, в жанре плаката. Правда, одно время увлекся драматургией. Но пьесы мои были не о войне.

И вот только так называемая «лейтенантская проза» — повести Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Василия Быкова, в которых была показана настоящая война, — задела меня, что называется, за живое.

Первую попытку написать что-то о Ржеве я сделал в шестидесятом году. В перепечатке набралось страниц триста. Для себя назвал их «ржевской прозой». И вдруг почувствовал необходимость побывать на местах боев. Плюнул на все и поехал. Захватил рукопись и этюдник, думал, что, может, передовую напишу. Но на поле оказалось, конечно, не до живописи.

Бывшая передовая произвела неожиданное впечатление. Всюду валялись каски, ящики от патронов, торчали перья от невзорвавшихся бомб. И вот там, на Овсянниковском поле, полистав, сидя на опушке, свою рукопись, я понял, что написал совсем не то. Я тогда понял, как не надо писать о войне. Для того, чтобы понять — как надо, понадобилось еще четырнадцать лет.

— Но о войне ведь уже так много было к тому времени рассказано, в том числе и о ржевских событиях...

— Все эти годы я старался прочитать все самое заметное, что появлялось о войне. Но, понимаете, даже «лейтенантская проза», наиболее близкая мне по духу, не отражала того, что видел я. Видимо, у каждого из миллионов воевавших была своя война. Но именно своей войны я в книгах и не находил. Мне казалось, что, например, о Ржеве в литературе почти ничего не было сказано. Одно стихотворение Твардовского не давало полного представления о том, что творилось в войну под Ржевом. Правда, в середине шестидесятых годов появились повести Елены Ржевской. Но Ржевская описывала ту войну, которую знала и видела она. Ржевская служила военной переводчицей в штабе армии. С позиции штабного переводчика она и рассказывала о прошлом. Рассказывала честно и талантливо.

Но моя война — это стойкость и мужество солдат и офицеров, это страшный пехотный бой, это мокрые окопы. Моя война — это нехватка снарядов, мин. Мы даже не всегда могли ответить на каждодневные обстрелы немцев. У нас не хватало зенитных орудий. Немцы долбали нас на брешю. И я сел за «Селижаровский тракт».

Была написана уже половина книги, как вдруг перед глазами возник образ Сашки. Он взял меня в плен. И весь семьдесят четвертый год я писал только «Сашку». «Селижаровский тракт» заканчивал спустя два года.

— Вячеслав Леонидович, вы по образованию художник. Помогает ли вам первая профессия в литературном творчестве?

— Видите ли, у художника обычно развита зрительная память. Я, например, до сих пор помню многие детали боев. Это, конечно, служит хорошим подспорьем в литературной работе.

Кроме того, плакат и графика приучили меня безжалостно отсекаать все ненужное, лишнее.

— Многие годы вы выступаете за сбор солдатских воспоминаний. Почему это необходимо?

— Наше общество пока еще не в полной мере осознало, какую ценность представляют солдатские мемуары. В основном проявляется интерес к письмам. Их собирает, насколько я знаю, архив ЦК ВЛКСМ. Дело это хорошее, нужное. Но понимаете, письма не могут дать полной картины минувшего. На фронте они проходили, как правило, две цензуры: цензуру официальную, военную, и цензуру сердца. Многие фронтовики не хотели лишней раз беспокоить своих родных, поэтому в письмах они часто отделялись лирикой: мол, все у них в порядке. А воспоминания фронтовиков позволяют существенно расширить познания современников о войне.

Сейчас журналы почти не печатают воспоминания простых бывалых людей, печатают только известных. Доводы редакций

в общем-то понятны: не так уж много рукописей написано на хорошем литературном уровне. Но, может, и не надо, чтобы каждый фронтовик, берясь за воспоминания, непременно претендовал на литературу? Пусть человек пишет, как может, пусть даже коряво, стилистически неправильно, но — правду.

— **К теме войны сейчас обращаются писатели, родившиеся и выросшие уже после Дня Победы. Как вы к этому относитесь?**

— Когда за военную прозу берется не очевидец событий, я открытий не жду. Уже сразу думаю, что эта проза в своей основе будет вторичной. Так оно обычно и случается.

Вот год назад «Новый мир» напечатал повесть тридцатилетнего инженера. Сделана она добротнo. Но если судить по большому счету, ничего нового о войне автор читателю так и не сообщил, зато допустил ряд неточностей.

Не понравилась мне и пьеса Дударева «Рядовые». Она основана на литературных реминисценциях. В ней много «липы». Вся пьеса построена на хорошо знакомых режиссерам ходах. Поэтому режиссеры так и ухватились за постановку «Рядовых».

Другое дело — поэзия. Там можно передать чувства, эмоции. Скажем, в песнях Владимира Высоцкого точно уловлена фронтовая дружба. Но проза, как и драматургия, требует конкретности, точности состояния человеческой души.

Вообще я считаю, что писатель должен писать, как правило, о своем поколении. Свое он знает до мелочей. Почему многие литераторы моего поколения почти ничего не пишут о молодежи? Нам это трудно. Кто расскажет, например, мне о тонкостях из жизни сегодняшних подростков? Не знаю...

— **Над чем вы работаете?**

— Закончил роман «Красные ворота». Он о сорок восьмом годе. Уже три года нет войны. Но мои герои еще продолжают ею жить. Роман — о поисках фронтовиками своего места в мирной жизни.

— **Вячеслав Леонидович, молодежь охотно читает ваши книги. Что бы вы пожелали тем, кто вступает во взрослую жизнь, кто готовится стать защитником Родины?**

— Всем ребятам, кому предстоит стать в армейский строй, я желаю понимания того, что военная служба просто необходима и для Родины, и для них самих. Служба умеряет непомерные амбиции. Она делает из мальчишек мужчин.

Хотя под конец нашего разговора вроде и не совсем удобно вновь обращаться к личным воспоминаниям, а все же позволю себе одно отступление. Когда я проходил службу в полковой школе, некоторые мои сослуживцы нарочно совершали незначительные дисциплинарные проступки. Они хотели, чтобы их отчислили из школы и направили в какую-нибудь часть служить

рядовыми. Тогда рядовые служили два года, а младшие командиры три. Совершил однажды проступок и я, правда, не нарочно, так уж получилось. Однако заместитель начальника полковой школы посчитал, что я все подстроил специально. До сих пор помню, как он с обидой выговаривал мне, что, мол, зря я боюсь армии, что учеба в полковой школе дает не только воинские навыки, но в чем-то готовит и к мирной жизни и прежде всего учит общению с людьми.

Жизнь показала, как правы были наши командиры. Преодоление трудностей службы пошло нам только на пользу. Навыки, полученные в армии, пригодились на всю дальнейшую жизнь.

Желаю сегодняшним воинам хорошей и честной службы.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Елена СОЛОВЕЙ:

ЖИЗНЬ ИНТЕРЕСНА, ЕСЛИ...

ДЛЯ всех, кто любит кино, имя заслуженной артистки РСФСР Елены Соловей знакомо, в рекомендациях не нуждается.

...И вот сидит она на диванчике гримерной Театра имени Ленсовета. По-утреннему свежая. В простеньком свитерке. Без косметики; видимо, как большинство актеров, предпочитает обходиться в повседневности без нее. Право же, трудно соотнести этот облик актрисы с недавно увиденной матроной в годах из ленты «Серебряные струны».

— **Фильм о виртуозе-балалаечнике Андрееве, где вы играете его мать, который по артистическому вашему счету?**

— Примерно сороковой. А вы пристально рассматриваете мои морщинки? Сравниваете с киногримом? Мне — за сорок, тоже, как видите, округляю... Возможно, успела бы сняться в кино и больше. Но я — женщина, мать двоих детей. И, кроме актерской работы, считаю это важнейшим предназначением на земле, а значит, несу семейные, домашние обязанности. Я, если знаете, родилась в Группе советских войск в Германии. Потому что там служил отец — артиллерист-фронтовик, политрабработник. Мать моя — военврач, тоже воевала плечо в плечо с отцом. Детство у меня прошло в гарнизонах. Сызмальства «выступала» перед воинами. Кстати, не так давно артисты нашего Театра имени Ленсовета, который шефствует над госпиталем Военно-медицинской академии имени Кирова, давали концерты прямо в палатах перед солдатами, проливавшими свою кровь в Афганистане. А в моем уме сразу всплыли мамины рассказы о фронте, о раненых, которые вспоминали в тяжкую минуту своих матерей, жен, любимых.

Готовясь к встрече, я, естественно, перечитал написанное о Соловей. То, что ее учителем был народный артист СССР Борис Андреевич Бабочкин, показалось мне примечательным.

— Обучаться у такого мастера — огромная удача, — подтверждает Елена Яковлевна. — Сыгранная Бабочкиным роль Чапаева была, помимо всего прочего, очень ко времени. Мужественные воины Великой Отечественной, конечно же, воспитаны и на примере лихого комдива-самородка. А Бабочкин, по сути, совершил актерский подвиг, войдя со своим героем в классику. Давайте по-честному признаем: обидно, но нет пока кинообразов, которые встали бы вровень с бабочкинским, если иметь в виду героев, военачальников Великой Отечественной. Да, хорошо воплотил на экране Михаил Ульянов черты маршала Жукова; сослуживцы Георгия Константиновича говорят, что и правдиво. Но больше, кажется, нечего припоминать... И это, по-моему, должно вызывать глубокую тревогу Союза кинематографистов, Министерства культуры, всех, кто отвечает за патриотическое воспитание.

Обращаю внимание: рядом с набором разноцветного грима у меня под рукой оказывается театральная программка спектакля по пьесе Бориса Васильева «Завтра была война». В нем Елена Соловей играет классную руководительницу Валендру из последнего перед началом Великой Отечественной войны года. Играет в непривычной для многих зрителей манере. Ох и свирепа эта учителька-фанатичка. «Форсирую события и свято верю!» — вот сердцевина ее доносительских монологов, увы, имевших хождение, знают люди старших поколений, во времена культа личности. Но ни Валендре, ни иже с ней не удастся подточить нравственную цельность, замутить чистоту большинства старшекласников из васильевской пьесы.

Интересно, что параллельно с этим спектаклем на наших экранах шла и картина режиссера Юрия Кара по мотивам той же повести. И эта «конкуренция» не помешала Театру имени Ленсовета. А в него нынче уже стали ходить специально «на Соловей». Пять сезонов назад, войдя из кино в театр, она органично вписалась в коллектив, в репертуар. И сейчас интересно работает в спектаклях, созвучных жгучим вопросам современности: «Победительница» (по А. Арбузову), «Земля обетованная» (по С. Моэму).

— Но зритель все же больше знает вас по кино?

— Вполне естественно: на экране я впервые появилась более двадцати лет назад. «Немой» фильм «В горах мое сердце» был как бы наметками позднейшей картины Никиты Михалкова «Раба любви», завоевавшей известность.

— Сразу вспоминаю финальные сцены, как вы, актриса

раннего синематографа Ольга Вознесенская, едете в желтом трамвае, а за вами гонятся белоказаки. С саблями, с гиканьем... И ваша героиня — такая растерянная, вдруг, видимо, осознавшая: фальшиво все, что снималось в том суетливом киноателье. А жизнь — вот она, с ее суровой борьбой революции и контрреволюции...

... — Ну, возможно, вы несколько прибавляете мне «очков». И, если обобщать, в кино играю... Ого, какой у меня появился тон маститого товарища, а? Так вот: к своим персонажам стремлюсь никогда не относиться лишь как к социальному типу. У меня нет желания указывать перстом; смотрите, подобным образом себя вести нельзя! Мне постоянно интересен человек, его характер.

А вы, уважаемый читатель, помните, какой, например, характер создан Е. Соловей в кинокомедии «Семь невест ефрейтора Збруева», который списался во время службы сразу с семью незнакомыми девушками? Одна из них, медсестра Римочка, сначала понравилась бравому ефрейтору: хозяйственная, чистоплотная. Да потом оказалось, что она мещанка до последней косточки, социально ограниченное существо, способное обратиться в бегство даже самых храбрых воинов.

Вместе с Еленой Яковлевной вспоминаем другие ее работы, связанные с темой армии, флота. До сих пор живое впечатление сохранилось у меня от сыгранной ею роли в фильме «И был вечер, и было утро» — экранизации драмы Лавренева «Разлом». Помните: военморы кануна октября 1917 года; крейсер «Заря» (явно подразумевается «Аврора») готов примкнуть к революционным силам. В доме командира корабля — сумятица, назревает контрреволюционный заговор. А по комнатам порхает этакий «мотылек» — хорошенькая, смешливая, постоянно напевающая пустую песенку Ксения — Е. Соловей. Только в последнюю минуту до нее внезапно доходит: а ведь надо выбрать себе путь, оборвать порхающий по жизни «полет», пока не поздно.

— Мы с вами уходим в историю. Впрочем, все сейчас о ней думают. Не знаю, удастся ли мне сыграть женщину времен революции, гражданской. Но мысли невольно обращаются к той бурной, сложной эпохе. Кто-то из моих коллег должен же сыграть и Тухачевского, и Блюхера — столько у нас сейчас, в пору гласности, вновь по праву звучит имен советских военачальников! А рядом с ними делили трудности их жены. Вдруг среди подобных ролей сыщется интересная и для вашей сегодняшней собеседницы?

Честно признаюсь: любовался актрисой в минуты нашего разговора, как люблюсь ею в кинокадрах. Кого из нас не радо-

вала ее женственность, актерское умение «подать» себя, которые при этом не мешают прочертить сквозную линию раскрываемого на экране образа. Каких разных, но воистину русских, «нашенских» женщин классического плана показала нам Соловей в экранизациях по произведениям Тургенева («Накануне»), Гончарова («Обрыв» и «Обломов»), Горького («Егор Булычов и другие», «Враги»).

— Современниц в вашем творческом багаже тоже достаточно. Взять хотя бы «Блондинку за углом», «Вам и не снилось», «Карантин»... Все отмечено удачей.

— Знаете, мне очень везло на режиссеров. Это и уже упомянутый Никита Михалков, и другие, дававшие хороший нравственный заряд.

— Ну, а теперь — все в прошлом, стали театральной актрисой, прощай, кино?

— Нет, по-прежнему здравствуй: с кино я надеюсь, как бы не сглазить, долго не расставаться. Вернее, собираюсь работать на два «фронта». В театре ведь... Там выходишь сегодня к зрителю, что-то в себе не понравилось — в следующий вечер чуточку выравниваешь... А кино — вспышка, удар, мгновение. Всего себя надо вложить в каждый дубль, потому что он, возможно, последний. Вот крикнул режиссер из полумрака, из-за съемочной камеры: «Все! Сняли!» А потом сели в просмотровом зале — и... Эх, здесь бы малость не так сыграть! Да поздно, поезд ушел, нужно было раньше себя подправлять, критиковать. Думается, с таким ощущением должны работать не только в кино, как вы считаете?

Недавно отснялась в телесериале «Жизнь Клима Самгина»... Играю мать главного героя...

— А если в итоге нашей беседы попытаться определить, чего вы ищете в работе для экрана и на сцене?

— Однажды мне довелось говорить вашему коллеге о своей любимой книжке про Золотой Ключик. Для всех нас, как у ее героя, наступает момент: надо покидать «папу Карло», отправляясь на поиски собственной доли. И все мы — актеры и неактеры — ищем в стене свою дверь, разыскиваем волшебный ключик от нее. А за каждой чудесной дверью появляется новая дверь. В такой бесконечности — радость работы, радость жизни, которая ничто без дела. Любого. В том числе военного. Мне это известно не понаслышке: сужу по матери и отцу, взрастивших меня в семье военных такой, какой я вам нынче и вижусь.

Когда материал уже был подготовлен, я узнал, что Елена Соловей получила два предложения — от «Мосфильма» и «Беларусьфильма». Поиски волшебных дверей продолжают...

Виталий НЕСТЕРЕНКО

Григорий **ПОЖЕНЯН:**

СТО ПРОЦЕНТОВ НАДЕЖНОСТИ

МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ с Григорием Поженяном о встрече в Центральном Доме литераторов.

— В три часа буду слушать там одного композитора, — сказал Григорий Михайлович, — но часа в четыре, думаю, освобожусь.

К стихам Поженяна обращались многие композиторы. Но поэта далеко не всякая музыка устраивала. Я слышал, что он нередко отвергал варианты песен, предложенные ему даже известными мастерами. А тут при телефонном разговоре Поженян и вовсе не упомянул фамилии композитора. Нет, такое начало меня интриговало...

Поэт появился в фойе точно в назначенный час. Был он очень радостным.

— Срочно идемте в малый зал, — пригласил Григорий Михайлович. — Хочу познакомить вас с молодым композитором Дмитрием Лагачевым. Ему восемнадцать лет. В этом году окончил в Новосибирске школу, приехал в Москву поступать в театральный институт, не прошел по конкурсу и сейчас готовится к службе в армии. А какие песни он пишет!

Я удивился песням Лагачева не меньше, чем поэт. Музыкальные способности его были очевидны. Не случайно фирма «Мелодия» заинтересовалась двумя его произведениями.

Дмитрий потом рассказывал, чем его заделли стихи Поженяна: «Поразила необыкновенная судьба поэта. В годы войны боевые друзья считали его погибшим. Мать получила похо-

ронку на сына. А он чудом выжил и снова пошел в бой. И стихи Поженяна — очень прямые и честные, берущие за душу. Мне кажется, они так и просятся на музыку. Но хором петь их нельзя. Это лирика, не для компании. Это разговор с самим собой, но важный для многих». А еще Дмитрий сказал: «Наверное, не все у меня получилось. Я многого все-таки о поэте не знаю. И от этого мои песни, видимо, проигрывают, что-то недоговаривают. Мне, например, неизвестно, как в жизнь и творчество Поженяна вошла война, как относился он в те годы к любви и дружбе. Думаю, что все это интересует не только меня, но и многих других ребят, ведь нам скоро служить в армии. Я вот хотя и храбрюсь, но больше для вида, а самому немножко страшно: как сложится служба, будет ли время для творчества и что смогу отдать я армии и что даст она мне?»

Вопросы молодого композитора и завтрашнего воина в какой-то мере и определили характер беседы с поэтом.

— Что дает военная служба? — переспрашивает Григорий Михайлович. — Прежде всего чувство уверенности. Когда мне бывает трудно, возникают в жизни сложности и я начинаю теряться, то первым делом стремлюсь в те места, где когда-то был молодым и, как мне казалось, сильным, — в Одессу или в Севастополь, там в тридцать девятом году начиналась моя флотская служба.

А войну я встретил старшиной 1-й статьи на крейсере «Молотов». Помню, в сорок первом нас, моряков, спросили: пойдём ли мы защищать Одессу? И вся команда, как ни горька была уже сама мысль расстаться с кораблем, сделала шаг вперед. В конце июля на крейсере «Червона Украина» особый диверсионный отряд, состоящий из добровольцев, доставили в Одессу. Четким флотским шагом прошли мы по пустынному городу на улицу Пастера. Позже оттуда я не раз уходил в разведку.

По сложности разведки были разные. Мы не всегда знали конечную цель своих заданий. Однажды, уже в последний момент, стало ясно, что речь идет о том, чтобы любой ценой дать Одессе воду. Цена была для большинства из нас самой высокой — жизнь.

Так случилось, что и моя мать получила похоронку. Немолодая, она ушла на фронт и вернулась с войны майором медицинской службы с орденом Красной Звезды.

Только в конце войны я узнал, что считался погибшим и был награжден орденом Красного Знамени.

— Знаю, что все военные люди этим орденом очень дорожат...

— Не только мы, наши отцы гордились этим орденом и носили его на красной материи.

— Ваш отец воевал?

— Да, в гражданскую партизанил. Он был знаком с Фрунзе и много мне о нем рассказывал. Отец строил Харьковский тракторный завод, был директором научно-исследовательского института, среди наших гостей всегда были военные люди.

— Как вы стали поэтом?

— Серьезно поэзией начал заниматься уже после войны. Член военного совета Черноморского флота вице-адмирал Азаров подсказал: поедешь в отпуск в Москву — попытайся поступить в Литературный институт. К его и моему удивлению, с тройкой по истории я в Литинститут все-таки поступил.

— В каком году вы начали печататься?

— В сорок восьмом в журнале «Знамя» появилась первая поэма «Ветер с моря», посвященная памяти Героя Советского Союза Дмитрия Глухова.

Принимал меня тогда главный редактор журнала Всеволод Вишневский:

«Воевал?» — спросил он.

«Да».

«Ты настоящий моряк?»

«Думаю, что настоящий».

«Был ранен?»

«Был», — отвечал я.

«И награжден, наверное?»

Я утвердительно кивнул головой.

Вишневский на верстке написал: «№ 7».

«А как же поэма?» — робко спросил я.

«Еще не читал, но думаю, что должна быть хорошей».

Тогда с войны пришло много прекрасных поэтов: Семен Гудзенко, Алексей Недогонов, Михаил Луконин... К сожалению, их уже с нами нет, а они наши одногодки.

— Знаете, не мог равнодушно читать вашу «Севастопольскую хронику». Все время было ощущение, что в поэме слились воедино история и современность...

— Мне всегда казалось, что между первой и второй обороной Севастополя, разделенными почти целым столетием, много общего. Особенно любовь к Севастополю, невозможность отступить, отойти, сдать и как выход — беззаветное мужество солдат, офицеров, генералов, адмиралов.

Я обратился к архивам. Большую помощь получил в Морской библиотеке Севастополя. Ее работники познакомили меня с малоизвестными материалами о защите города в 1854—

1855 годах. Но самое сильное впечатление произвели документы, связанные с судьбой моего кумира — адмирала Нахимова.

Смерть на бастионах Малахова кургана косила тогда всея подряд, не разбирая чинов. Погиб уже адмирал Корнилов. Его захоронили в нише Владимирского собора. Еще одна ниша, последняя, оставалась свободной. Нахимов сказал: ее держу для себя. Но вскоре пуля настигла адмирала Истомина. И тогда Нахимов прошептал: раз нет больше места в склепе, лягу... в ногах у товарищей. Меня это потрясло. Показалось, будто бы не было столетия, а это случилось вчера, с нами, со мной. И у нас в сорок втором не возникала мысль о сдаче Севастополя. Мы готовы были драться не только до последнего патрона, а и до последнего человека. Так родились самые горькие строки, напечатанные много лет спустя: «Мы отошли, точнее — сдали. Как странно было бы знать тогда, что будут нам ковать медали за отданные города».

«Севастопольская хроника» Григория Поженяна неожиданно завершается картиной Севастополя семьдесят пятого года: «Маки, маки, алые маки — горькая память земли...». Маки действительно буйствуют в мае и на Малаховом кургане, и на Сапун-горе. Красные маки — капли крови павших солдат, проступившие их напоминанием о себе. И естественно, что из стихов «Маки», написанных совсем не для эстрады, родилась песня, теперь уже одна из самых популярных в нашей стране.

— А как с «Одесской хроникой»? Не думаете ли вы писать об этом? Там такая же острая и четкая связь времен.

— Не только думаю, но уже давно пишу.

— В ваших стихах, Григорий Михайлович, тема дружбы, по-моему, одна из главных. Убежден, что следы ее невольно ведут на фронт.

— Война доказала, что один человек — это много и бесконечно мало. Двое — уже сила. А группа единомышленников, связанных одной идеей, — это глыба. Человек без друга на войне беспомощен и безнадежно одинок.

Как-то, возвращаясь из разведки, мы несли домой тело убитого друга — Олега Безбородько. Двое тогда были ранены: Михаил Сурнин и Арсен Зуц. Вот что такое дружба!

Каждый из нас всегда был готов пойти вместо ослабевшего товарища в разведку. Он — вместо тебя. Ты — вместо него. Сто процентов надежности.

— Вот уже много лет вы плаваете на судах торгового флота. Для чего?

— Не могу жить без моря, без друзей-моряков. Там идет настоящая жизнь. Особенно в наше время — время обновления, время высокой ответственности каждого на своем посту. Длительность рейсов обязывает быть терпимее, обостряет зрение и слух. А это главное оружие поэта. В дальних плаваниях нужно думать еще и о тех, кто остался на берегу, кто ждет и умеет ждать.

У Григория Поженяна есть строки:

Снега, что алели
на скорбных равнинах нагих,
однажды велели
писать, как просить за других.

Поэт так и поступает: живет и пишет по совести, за себя и за тех, кто погиб на полях сражений.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Евгений НЕСТЕРЕНКО:

НАЧИНАТЬ С КОЛЫБЕЛЬНОЙ

КОГДА в конце беседы я попросил у Евгения Нестеренко фотографию для публикации в газете, он сказал, улыбаясь:

— Для «Красной звезды» приготовил вот эту, где я в военной форме, с безкозыркой на голове. Очень давний снимок. Но перед армией, флотом до сих пор чувствую себя все тем же курсантом, готовым без усталости учиться у боевых друзей целеустремленности, верности, мужеству...

...Два десятилетия назад возшла над миром творческая звезда Евгения Нестеренко, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, солиста Большого театра, профессора Московской консерватории. Нынче это певец воистину мирового масштаба; недавно после гастролей советского вокалиста в Испании тамошняя пресса с присущим ей темпераментом назвала Нестеренко «Шаляпиным наших дней».

— **Слава на плечи не давит?**

— По-моему, нормального, без «отклонений», артиста сейчас должно заботить не только и не столько собственное «я» и количество вызовов на поклон, сколько всеобщее наше артистическое дело. А с ним еще далеко не все ладится. Краски я не сгущаю, отнюдь! Об этом говорилось на съездах композиторов, театральных деятелей, писателей, кинематографистов. Мое сердце, как вы понимаете, больше всего болит, когда разговор ведется о музыке. Ведь вы, договариваясь о нашей встрече, планировали именно такой разговор?

Да, тему нашего разговора мы с Евгением Евгеньевичем

определили заранее. Но при этом он поставил одно условие. Поскольку беседа наша предназначалась для страниц центральной военной газеты, он просил сказать о тех, кто помог ему в самых первых шагах на сцене, а сделаны они были в 1955 году на военно-морском факультете (позже расформированном) Ленинградского инженерно-строительного института. Там, в курсантской художественной самодеятельности, обратил на него внимание заместитель начальника факультета капитан 2 ранга С. Кравченко, большой любитель искусства. Он доложил начальнику факультета инженер-полковнику В. Хохлову: так, мол, и так, есть у нас курсант, с пластинок разучивает оперные арии и поет их весьма привлекательно, надо бы оказать ему содействие.

Этих людей артист и поныне вспоминает с самыми добрыми чувствами. Так и просил написать: флотское добросердечие, забота командиров стали той основой, на которой взросло его певческое имя.

— ...Мы уже говорили с вами, что с музыкой у нас в стране не все благополучно, — продолжает Евгений Евгеньевич разговор о наболевшем. — Вот вам информация к размышлению. В цифрах. Недавно был проведен опрос среди людей молодого и среднего возраста. Каждый второй из опрошенных считал, что надо больше передавать музыки по радио и телевидению. Но не обольщайтесь: 71 процент из них считает, что музыка нужна им только для того, чтобы отдохнуть и поднять настроение. Когда спросили, что же из огромных музыкальных богатств, накопленных отечественной и мировой культурой, они предпочитают, выяснилось: «лидеры» — «Горная лаванда», «Миллион алых роз» и т. п. И лишь три процента из всего числа опрошенных сказали, что именно классическая музыка дает им духовный заряд, прибавляет жизненных сил, участвует в формировании их характера, взглядов.

— Евгений Евгеньевич, но на вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Кому — «Лаванда», кому — «Вальс-фантазия» Глинки: и то, и другое — музыка, имеющая равные права, если станем обобщать...

— Правильно, равные. Но не такие, как получается на деле. Эти тонны лаванды и миллионы роз заполнили все радиоволны, телеканалы — какое же тут равноправие?

В этом месте мы с собеседником малость поспорили. Если говорил я, в радиоконцерте по заявкам вместо «Аквариума» или Паулса, указанных в письме, пойдет квартет имени Бородина или Моцарт — что получится? В ответ последовало: а почему подавляющее большинство заявок падает имен-

но на «Аквариум», а не на Моцарта? Да потому, сам отвечал на свой вопрос Нестеренко, что сначала по всем каналам пропагандируется «Аквариум» в ущерб Моцарту, умножая таким образом ряды тех, кто, кроме «легкой» музыки, и знать ничего не знает, а потом, ссылаясь на них, можно заявлять: народ, дескать, требует!

— Человека эдаким способом можно приучить жить легкой жизнью, — развивает мысль мой собеседник, — а можно воспитать его и по-иному. Для чего мы являемся на землю? Я так думаю: чтобы пережить все те богатые чувства, которыми одарила нас природа. Ученые не без основания утверждают: ребенок, родившийся без музыкальных задатков и даже без музыкального слуха, может приобщиться к музыке, если родители, воспитатели, учителя будут с ним заниматься. Что делается в этом направлении сейчас? Почти ничего, в детских садах и школах плохо поставлено музыкальное воспитание. Стоп: я сам себя опережаю. Сначала надо говорить о семье. Вы помните, конечно, как относились к музыке в семье Ульяновых?

Кто этого не знает! Личность вождя формировалась и под влиянием всеильного, великого искусства.

Но... Очень уж высок пример; выражаясь спортивным языком — планка поднята на рекордную отметку. Тогда, подумал я, слушая Нестеренку, стоит представить себе теплые сумерки где-то в маленьком городке — «штатском» или гарнизонном — с первыми звездами в безоблачном небе. Окна в домах полетнему распахнуты. Всюду уже отужинали, малышам пора баюшки. И самое время услышать нежный голосок, напевающий...

— Да, вы правы, — поддерживает Евгений Евгеньевич, — современные мамы разучились баюкать своих ребятишек колыбельными. Да и редко уже услышишь из окон хоровое, традиционное для русского, российского дома пение. В армии оно живет: поют в строю, но в минуты отдыха — хором все реже; чаще один поет, подыгрывая себе на гитаре, остальные слушают.

Что касается, так сказать, семейного пения — явная наша с вами недоработка. Да, наша с вами: ведь вы, работники средств массовой информации, забыли второе, куда более значимое слово в вашем названии — и **пропаганды**, в том числе пропаганды культуры, пропаганды хорошего вкуса. А ведь это тоже идеология! Так вот, дома малыш не слышит пения. Не слышит даже колыбельной. Пойдет в садик, там в лучшем случае споет о том, как сидел в траве кузнечик. А уж о школе нужен сейчас серьезнейший разговор. Недавно я вычитал в газете ужасающую вещь: оказывается, на историю Великой Отечест-

венной войны программа отводит мизерные часы. Изучение военной истории, как и приобщение к искусству, — это, я считаю, равнозначные категории. Ибо они из того основополагающего, что в конце концов называется одним словом — духовность. Духовность, понимаете? Без нее личность — калек. Ни к станку, ни к воинскому строю — вообще никуда не пригоден человек бездуховный.

— Резковато у вас получается, Евгений Евгеньевич... Вам могут возразить: в школе сейчас с малых лет человека приобщают, например, к кибернетике. Первоклашки у мини-ЭВМ колдуют: в век научно-технической революции куда денешься без компьютера?

— Да ведь давно кончились споры о ветке сирени в космосе! Если НТР замкнет человека в мир только робото- и всякой другой техники, она сама же станет невозможной, просто не состоится без духовного развития тех, кто сидит за дисплеями сегодня или сядет за них в будущем. Это не моя мысль, это академик Лихачев мудро подметил: бездуховность идет вразрез с задачами технического прогресса. Да и вообще, каким может быть человек, если он сызмальства не прикоснулся сердцем к прекрасному, к искусству? На изучение дождевого червя школьная программа отводит столько же часов, сколько и на Достоевского. Школа, по моему мнению, часто отбивает охоту к литературе, а принудительное «пение всем классом» тоже приводит в конце концов к тем злосчастным трем процентам любителей серьезной музыки, классики.

— Но и в легкой музыке есть своя классика, есть классический джаз, рок-музыка тоже разная.

— «Разная» — это вы точно сказали, комментировать даже не надо... Так вот я, если позволите, скажу еще о нас с вами — певцах и газетчиках, о том, как мы пропагандируем большое искусство. Плохо пропагандируем! Особенно оперу. В кои-то веки поставил Большой театр детский спектакль «Сказку о царе Салтане». Это очень важно: ребенок приходит в оперу, жанр трудный, а попадает в знакомый, любимый мир сказки. Если он с малых лет прикоснется к нетленному миру истинных эстетических величин, с годами будет накапливаться в нем их понимание, стремление к ним. А пока он со всех сторон слышит: «Я уеду в Комарово!»

Поймите, я действительно за равные права для лучшего во всех жанрах! Я за приобщение ко всему разнообразию музыкальных богатств — богатств, но не поделок и не подделок. А пока и оперные театры, и филармонии дают детям крохи. И пресса... Хоккейный, футбольный матч сыграли — утром он расписан во всех газетах, не только в «Советском

спорте». А оперу, балет, симфонический концерт чаще всего даже и не заметят.

— Пора, пора бить тревогу, — озабоченно хмурится артист. — Даже столица плохо обеспечена концертными залами, где могла бы вестись планомерная работа по шлифовке музыкального вкуса молодого, в первую очередь, зрителя. И вы знаете, именно на военные оркестры, способные работать в любых условиях, возлагаю я свои надежды. Они всегда в гуще зрителей, в массе, дети их любят. Надо, чтобы они включали в свой репертуар специальные музыкально-образовательные программы: они и солдатам, и офицерам, и гражданской публике полезны. А ансамбли с их хоровыми коллективами? Лучшие из них поют классику — пусть это станет более активным процессом, ведь по большому счету музыкальное здоровье народа — это составная часть его здоровья нравственного.

А я, со своей стороны, как артист и прежде всего как коммунист считаю своим долгом еще более активизировать просветительскую деятельность, привлекать к этому товарищей по оперной сцене, вокальному искусству. Перестройка должна в полной мере коснуться и вопросов музыкальной пропаганды. Народ подарил нам свою песню, для народа мы должны ее и сберечь, не дать ей потеряться в сатанинских децибелах сиюминутных модных течений.

Валерий ВЛАДИМИРОВ

10 коп

72990

